

Имитация. Падение «Купидона»

Автор:

[Алекс Д](#)

Имитация. Падение «Купидона»

Алекс Д

Купидон #3

В заключительной части трилогии Джером Морган, наконец, раскроет замыслы своих врагов, осуществит долгожданное возмездие, столкнется с новыми препятствиями и потерями, и обретет то, о чем даже не мечтал. В самом конце истории Джерому предстоит сделать главный выбор в своей жизни, а каким он станет – истинные чувства или имитация, предлагаю узнать, прочитав третью часть романа Имитация «Падение Купидона»

Алекс Д

Имитация. Падение «Купидона»

Пролог

«– Мне кажется, что я понимаю теперь, зачем ты это делаешь.

– Ответ всегда был на поверхности, не так ли?

– Не разрушение было целью?

– Конечно нет. Мне жаль.

– Нет, не жаль.

– Я буду помнить. И он тоже.

– Этого мало.

– Это все, что я могу предложить тебе.»

Джером

Согласно наблюдениям криминальной психиатрии, большинство преступников испытывают нездоровую тягу к местам своих преступлений. Часто это связано с банальным желанием убедиться в отсутствии оставленных улик, но самые сдвинутые психопаты руководствуются совершенно иными побуждениями. Для них это место силы, вдохновения на новые зверства и возможность снова пережить испытанные ощущения. Для них выбранный путь – не более чем жестокая игра, которой они следуют раз за разом. Последствия не интересуют, важен сам процесс. Мы ничего не делаем просто так, каждое действие, даже самое импульсивное, несет за собой определенную цель. Маленькие дети шалят, чтобы вызвать реакцию взрослых. А взрослые, чтобы обратить на себя внимание общества, заявить о своём несогласии с установленными рамками, шокировать... или просто от скуки и ряда психологических отклонений.

Однажды в детском доме в России, когда меня в очередной раз поймали при попытке бегства, я заткнул в закрытом на ремонт туалете слив и включил воду. Я целый день возвращался туда снова и снова, стоял под дверями, ожидая увидеть растекающуюся из-под щели внизу лужу.

Зачем я это сделал? Хотел выразить протест или отомстить? Сейчас уже не важно. Никакой аварии не случилось. Видимо, кто-то из рабочих вовремя закрыл кран. Меня даже не наказали, и шалость сошла с рук. Но были и другие... Беснаказанность всегда ведет к новым нарушениям порядка, законов, устоев. По нарастающей. Это неизбежно и закономерно. К сожалению.

Есть ли какой-то потаённый смысл, затерявшийся в глубинах подсознания, в том, что спустя много месяцев я вновь оказался в Чикаго, на территории заброшенного завода, у того самого полуразрушенного цеха с покосившимися воротами, где впервые посмотрел в глаза своей случайной жертве? Я не знал ее имени, не запомнил черты лица и цвет волос, но моя память сохранила ее взгляд. Растерянность. Неверие. Облегчение. Она словно выдохнула, успокоилась. Смирилась, глядя в глаза смерти.

Ее вины не было. Срыв сделки, в которой обвинили Зака и девушку, был организован мной. Я мог остановить Логана и Крауза, мог признаться и занять место девчонки. Но не сделал этого. Я не понес наказания, и моя совесть нашла миллион причин, почему я не должен казнить себя за случившееся.

И да, вероятно, девчонку убили бы в любом случае.

«Я никогда не стрелял в людей», – сказал тогда ныне покойный Зак Морган. Да, не стрелял, но не всегда прямое попадание лишает жизни. Способов уничтожить человека бесконечное множество.

«Это не было убийством. Мы проявили милосердие», – чуть позже заявил мой заклятый дядя.

Тогда его слова и действия казались мне чем-то вопиющим, кощунственным, безжалостным, попирающим основы человеческого общества. Это случилось полгода назад или чуть больше.

Все изменилось.

Я никогда не стрелял в людей.

Но сегодня придется. И это никакое на хрен не милосердие.

Я просто должен.

Охрана, выставленная вдоль ворот с облупившейся краской, молчаливо расходится, пропуская меня внутрь. Немногословные и исполнительные, они не задают вопросов. В список должностных обязанностей не входит личное мнение

в отношении тех или иных требований клиента. Я оставляю их снаружи, не нуждаясь в свидетелях и наблюдателях, и избавляя от косвенной причастности к событиям, которые совсем скоро станут еще одной вехой в моей непростой истории.

Мог ли я предположить, что окажусь здесь снова? В захламленном помещении, пропитанном сыростью и плесенью? Дизайнерский костюм, распахнутое пальто, грязный снег на ботинках. Перчатки, пистолет и сигарета. Новый вариант джентельменского набора.

Под ногами скрипят песок и разбитые стекла, в углах копошатся крысы. Полумрак разрезает свет одной единственной лампы, свисающей с высокого потолка, с которого осыпается штукатурка.

Ничего не изменилось с того момента, когда я был здесь в последний раз, кроме меня самого и девушки... совсем другой девушки. Не забившейся в угол случайной жертвы, а с хладнокровным спокойствием наблюдающей за моим приближением. Без сомнения, она знает, чем закончится наша последняя встреча, но я не вижу ни малейшего проблеска страха в бирюзовых глазах. Что это – железное самообладание, гордыня или уверенность в помощи своих покровителей? Или же новый виток хитроумного плана?

Ее взяли в аэропорту Цюриха, не встретив сопротивления, и доставили сюда без единой попытки к бегству, без слез и истерик. И у меня есть только «здесь и сейчас», чтобы выяснить причину ее равнодушия к происходящему.

Я останавливаюсь, когда между нами остается не больше десяти шагов. Ни волнения, ни напряжения, ни сомнения – ничего не осталось. Какой в них прок, если решение принято и не может быть обжаловано, отменено мольбами и оправданиями, которых я не услышу. Хочу ли я, чтобы она умоляла? В глубине души – да. Но Фей Уокер не из тех, кто сдается и признает вину, орошая щеки горькими слезами раскаяния. Чистосердечное признание не сработает, я и не жду его.

Я пришел не для того, чтобы судить ее, слишком поздно. У меня на руках вынесенный приговор, требующий исполнения. И не имеет никакого значения, что будет после. Я готов ответить по всем выдвинутым обвинениям, если они возникнут. Жестокая игра подошла к своему логическому завершению, и

неважно, какой будет цена за вырванную зубами победу. Я заплачу любую.

Фей молчит, склонив голову набок, и в напряжённой тишине вокруг нас есть свое особое звучание. Тягостное, тяжелое, горькое, траурно-скорбное. Она вся в черном. Короткое вульгарное платье, плотные колготки, туфли на высоком каблуке, на лице яркий макияж. И в ней сейчас нет ничего утонченного и изящного. Фей похожа на ту, кем является на самом деле. Из ее губ вырывается пар, на бледных щеках вспыхивают розовые пятна. Приподняв спадающее с плеч кожаное пальто, девушка запахивает его на груди и прижимается спиной к покрывшейся инеем стене. Куски штукатурки отваливаются, обнажая кирпичную кладку, и с грохотом падают вниз, поднимая облако белой меловой пыли. Не разрывая зрительного контакта, подношу к лицу сигарету, зажимаю губами и прикуриваю, глубоко затягиваюсь, позволяя едкому дыму наполнить легкие, и медленно выдыхаю.

– Я имею право на последнее желание и последнюю сигарету? – глубоким чувственным голосом спрашивает Фей. Его сексуальные вибрации все еще действуют на меня. Все еще действуют.

Уголки ее губ вздрагивают, приподнимаясь в неестественной натянутой улыбке.

– Что-то одно, Фей, – отвечаю я. – Желаешь сигарету? – достаю еще одну из пачки. Она отрицательно качает головой.

– Хочу твою, – заявляет с ухмылкой, улыбка становится вызывающей, пошлой.

Я небрежно пожимаю плечами, делаю несколько шагов вперед и протягиваю ей свою сигарету, которую она берёт длинными красивыми пальцами.

Я не видел Фей курящей. Ни разу. Она позволяла мне увидеть ту часть себя, которой никогда не существовало. Надо признать, Фей Уокер непревзойдённая актриса, и сегодня она сыграет заключительную роль. Жаль только, что все места в партере пусты, а я здесь не в качестве зрителя.

Между нами молчание и дым, и пропасть невысказанных бесполезных слов. Идеальное место для последнего крушения надежд, осыпавшихся растрескавшимися осколками, хрустящими под ногами. Я выбрал правильные декорации для финальной сцены. Не так давно она сказала, что у нас никогда не

было шанса, но осознание истинности услышанных тогда слов пришло чуть позже, когда я прочел отчет, и Бернс одну за другой выкладывал фотографии на стол... Я ни за что бы не поверил, если бы не увидел своими глазами.

– Сколько у меня времени? – интересуется Фей, нарушая фатальное густое молчание. Я бросаю под ноги окурок и достаю следующую сигарету.

– Пока не истлеет. Я не буду спешить, – мой взгляд опускается на ее пальцы, изящно сжимающие голый почерневший фильтр. Ее бесстрашие и уверенность вызывают легкое недоумение с примесью злости.

– И не будет никаких вопросов? – выгнув бровь, бесстрастно ухмыляется Фей.

– Я знаю ответы на все, кроме одного. Но если ты нуждаешься в исповеди, то пожалуйста, у тебя есть полторы минуты.

– У тебя будет возможность выслушать мою исповедь, Джером.

– Сомневаюсь.

– Поверь мне на слово.

– Никогда.

– У тебя нет выбора.

– Мне не нужны твои оправдания.

– Я не собираюсь оправдываться.

– Одна минута, Фей.

– Сражаться с женщиной – очень по-мужски, Джером, – саркастически произносит она. Я не собираюсь спорить. У нас слишком мало времени, чтобы тратить его последние капли на бессмысленные склоки.

– Ты не женщина, Фей. Ты чудовище, – сообщаю, прищулив глаза.

Она смеется хрипло, приглушенно, иронично.

– Он не придёт, Фей. Никто не спасет тебя, – произношу я резким тоном, и улыбка застывает на ее губах. В глазах цвета лазури мелькают растерянность и сомнение, пробиваясь сквозь стены самообладания. Всего мгновение, и она прячет неуверенность за толстым слоем льда.

– Ты бы не посмел, – недоверчиво качает головой, бросая фильтр под ноги. Я выпускаю колечки серого дыма, склонив голову к плечу.

– А я ничего и не сделал. Это ты убила его! – достаю из кармана пальто кольт, ощущая тяжесть убийственного металла в руке, обтянутой кожаной перчаткой.

Фей медленно опускает на оружие свой взгляд. По-прежнему невозмутима. И когда наши глаза встречаются, мне даже кажется, что я вижу в них любопытство. У нее есть еще тридцать секунд, чтобы узнать официальную версию.

– Из этого пистолета. Вы встретились здесь, чтобы обсудить свои планы, поспорили и не сошлись во мнениях. Спонтанная ссора, закончившаяся трагически для обоих. У Логана сдали нервы, его можно понять. Столько трагедий навалилось. Гибель сына. Скандал с дочками-наркоманками, крах бизнеса.

– Думаешь, что все предусмотрел?

– Его труп в багажнике автомобиля, – сообщаю, ударяя кольт по бедру. – Знаешь, ты ошиблась, Фей. Просчиталась. Я все-таки обошел всех, на кого ты работала.

– Нет. Ты заблуждаешься, – она качает головой, окидывая меня печальным взглядом, в голосе звучит сожаление.

– Тройная игра, Фей. Не надейся, что мне неизвестно, кто еще руководил твоими действиями. Ты все время ставила не на тех игроков.

Она вскидывает подбородок, и теперь я вижу в глазах напротив подобие заинтересованности, сменяющееся пониманием, смирением.

– Он не боится смерти. Нельзя победить того, кто уже приговорен, – произносит опустошенным голосом.

– Я знаю.

– У тебя остался один вопрос. Последний.

– У тебя не осталось времени, – я показываю обуглившийся фильтр. Ее улыбка становится шире, соблазнительнее, взгляд глубже. И я снова вижу ту девушку, которую встретил на приеме сенатора. Вечность назад. На самом деле какие-то полгода. Она ослепила меня, свела с ума и сделала все, чтобы уничтожить. Почти справилась.

– Зачем? – вырывается у меня, прежде чем я успеваю понять, что снова поддался на ее провокацию. Фей приоткрывает полные губы, глубоко вдыхая, и сейчас я вижу проблески эмоций на красивом лице, боль в расширившихся от страха зрачках.

– Мсть, деньги, расчет. Это твои варианты? Ни один не верен. Как бы дико ни звучало, но все, что я делала, было из-за тебя и отчасти ради тебя, – произносит она с настолько искренним выражением лица, что первые две секунды я пытаюсь вникнуть в смысл прозвучавших слов повторно, решив, что ослышался. С моих губ срывается нервный смех.

– Хорошая попытка, Фей. Но Зак был прав, ты совершенно ненормальная.

– Мужчины любят безумных женщин, – не моргнув глазом, улыбается Фей и мгновенно меняется в лице. – Надеюсь, ты найдешь силы простить себя и защитить то, что тебе дорого. Я знаю, как ты ценишь семью. Не меняйся. Береги... – севший от холода голос срывается, задрожав. И прищурив глаза, я пристально смотрю в ее мгновенно посеревшее осунувшееся лицо.

– Ты говоришь мне о семье? Ты? – спрашиваю, задохнувшись от лицемерия когда-то до безумия любимой женщины. Бирюзовый взгляд становится

прозрачным, холодным, обреченным. – После того, что сделала с нами?

– Гектор умер счастливым, – неожиданно произносит она. – Есть люди, которые устали жить и не видят смысла продолжать... Их легко узнать по глазам, жестам. Возраст не имеет никакого значения, если не осталось ничего, за что можно цепляться. Удивительно, как он не узнал меня. Полумрак, парик и немного виски. Ему нельзя было пить, но он так хотел понравиться незнакомке.

– Заткнись, – стиснув челюсти, яростно бросаю я.

– Он был девственником, – продолжает сука с блуждающей улыбкой. – Представь себе? В восемнадцать лет. Ключевое слово был. Как и его сестра. Филли Бойл. Так нелепо проколоться мог только ты. И эта дурочка. Целомудренные дети детектива Спенсера, – Фей резко рассмеялась. – Мы портим все, к чему прикасаемся. Но я не сожалею, Джером. Невинных людей не существует, а на войне не обойтись без случайных жертв. Но она не была случайной. Я слишком часто бывала на ее месте, пока от меня прежней ничего не осталось. И никто не рвался убивать за меня.

Я поднимаю руку, сжимая кольт, и наши вспыхнувшие взгляды встречаются. Она вскидывает голову, пытаюсь выглядеть сильной, несокрушимой. Но я чувствую страх, он осязаем. Никто не хочет умирать молодым. Сердце бьется оглушительно громко, но во мне нет сомнений, когда я взвожу курок. Ее глаза – бездонные океаны, охваченные штормом. Бушующие волны клокочут и пенятся, затягивая в свой омут. Однажды мне приснилось нечто похожее. Сон, в котором я победил океан....

– Наверное, ей повезло больше, а я... я заслужила. – выдыхает она сквозь сжатые побелевшие губы.

Это правда. Она заслужила, но я еще помню, как любил ее, и как больно было вырезать собственное сердце, чтобы избавиться от яда, отравившем меня насквозь.

Я еще помню, как верил, что Фей – мой единственный шанс на счастье.

Я помню наши обещания, которые не сдержали, и первую неокрепшую любовь, которую предали. Общее прошлое мелькает сейчас между нами сменяющимися

горько-сладкими воспоминаниями, смазанными поблёкшими кадрами, пропитанными обманчивой страстью, разочарованием, несбывшимися мечтами.

«– Когда-нибудь мы уедем отсюда, Фей. Только ты и я. Купим домик на берегу океана, поженимся, ты родишь мне детей, и мы будем счастливы.

– И что это за чудесное место?

– Мы назовем его рай. Рай для Фей. А где оно будет? Какая разница, главное, чтобы вместе.»

Что из этого было правдой? Может быть, мы оба заблуждались. Или наивно верили, что день, когда не останется никаких преград, настанет. И будет свадьба, берег океана, просторный дом с распахнутыми окнами. И рай для Фей такой, какой она нафантазировала.

Я снова не сдержал своих обещаний. И ей есть в чем упрекнуть меня. Никакого рая, Фей. Тебя ждут в абсолютно противоположном месте.

Я спускаю курок, не отводя взгляда до самой последней секунды, удерживая ее в мире разрушенных иллюзий, улавливая в переливе эмоций облегчение, отрицание, сожаление и любовь, как ни странно, любовь. Я бы хотел сказать, что испытываю потрясение, скорбь, боль, но ничего нет. Пустота. Я забрал ее жизнь, но это слишком мизерная цена за то, что она со мной сделала...

Выпущенная пуля отбрасывает женское тело назад, впечатывая в стену. Идеально ровное отверстие. Никакого уродства. Аккуратная быстрая смерть в грязном полуразрушенном цехе. Я опускаю взгляд и слышу, как она падает. Это не страшно. Не больно. Мысленно я убивал ее сотни раз за последнюю неделю. Мысленно я пытал ее и разрывал на части каждую минуту, когда пускал в свои мысли.

«Надеюсь, ты найдешь силы простить себя и защитить то, что тебе дорого.»

Ты была чертовски права, Фей. Именно это я собираюсь сделать, когда разберусь с последним фигурантом грандиозной аферы.

Глава 1

«Есть вещи, которые приходится делать – их делаешь, но о них никогда не говоришь. Их не пытаешься оправдать. Им нет оправданий. Их просто делаешь, и все. И забываешь.»

М. Пьюзо «Крестный отец»

Два месяца назад

Джером

– У меня к тебе очень много вопросов, Джером. И если ты дашь правильные ответы, то я позволю задать твои. А через час выйдешь отсюда совершенно другим человеком, пойдешь в кафе, успокоишь прелестную Эбигейл Спенсер и спокойно отправишься на запланированную деловую встречу, – Бернс делает короткую паузу и продолжает выразительным тоном: – Но начнем мы, пожалуй, с главного. С твоей цели присутствия здесь.

– Подозреваю, что она вам известна, – уверенно заявляю я. Агент ФБР назвал настоящее имя Эби. Черт, если в курсе спецслужбы, которые ни хрена не смогли сделать, чтобы сохранить безопасность участникам программы защиты свидетелей, то нет никакой гарантии, что данная информация не могла просочиться куда-то еще.

– Файлы Кеннета Гранта с результатами его расследований, если я правильно понимаю? – Бернс вопросительно выгибает бровь, и я мрачно киваю, отказываясь строить какие-либо предположения в отношении происходящего. – И что ты собирался с ними делать, Джером?

– Чтобы ответить, я должен изучить имеющуюся информацию.

– У тебя будет такая возможность, – вперив в меня пристальный сканирующий взгляд, произносит Бернс и задает следующий вопрос: – Ты не хочешь узнать, что послужило причиной гибели Гранта Эверетта?

– Полагаю, пожар.

– А ты не болтун, Джером, – одобрительно ухмыляется собеседник. – Хорошее качество. Должен тебе сообщить, что Грант Эверетт и Кеннет Грант – ненастоящие имена тех людей, которых ты знал. И созвучие между ними неслучайно. Они являлись агентами нашего отдела и работали над общим заданием.

– Пока вы их не уволили, оставив без средств и защиты! – гневно восклицаю.

– Не кипятись, Джером. Ты заблуждаешься. Никто не увольнял Гранта и Эверетта. Кеннет сказал своей дочери только то, что должен был, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств она привела тебя к нам, – поясняет Бернс, наблюдая за мной серьезным внимательным взглядом.

– К вам? Зачем? – озвучиваю первую мысль.

– Не все сразу, Джером. Мы во всем разберёмся спокойно. Не стоит нервничать. Или у тебя есть причины не доверять агенту ФБР?

– Нет, сэр, – отрицательно качаю головой. Я не совсем откровенен. У меня имеются многочисленные причины не доверять ФБР. Но они владеют необходимой информацией, и мне придется сделать все возможное, чтобы получить ее.

– Отлично. Уже неплохо. После событий семилетней давности твоему отцу пришлось удалиться из Сент-Луиса, но он продолжал работать в паре с Эвереттом. И ты, Джером, был непосвященным источником важной информации в отношении преступной деятельности твоей новой семьи.

– Что это значит? – напряжение сковывает мой голос.

– Сотрудничая с Эвереттом, все это время ты работал с нами. Он был своего рода посредником. Передавал информацию из одного пункта в другой, – Бернс бесстрастно-равнодушным тоном озвучивает то, о чем не так давно мне говорила Эби. Я не поверил ей. Я не допускал мысли, что отец мог использовать меня. Все наши тренировки, длительные беседы и подготовка к поступлению в

полицейскую академию имели целенаправленный характер.

Тесные родственные связи с Морганом сделали меня козырем в руках ФБР, который собирались использовать в нужный момент, но для отца, для семьи Спенсеров я оказался джокером, уничтожившим их. Даже герои порой используют не самые честные и справедливые методы, но мне не нравится мысль о том, что Кеннет Грант руководствовался хладнокровным расчетом, забирая шестилетнего наследника Морганов из России.

Мифы, которые я начал создавать еще в детстве, давно рухнули, один за другим, но вера в отца – единственное, что у меня осталось.

– Если, как вы утверждаете, Кеннет до самой гибели являлся агентом бюро, то как Логану Моргану удалось добраться до него? – интересуюсь, выныривая из мучительных размышлений. – Разве его безопасность не являлась зоной ответственности отдела, который вы представляете? И как насчёт Эверетта? Я не верю в историю с пожаром. Оба случая произошли почти одновременно.

– Гибель Эверетта неслучайна, и она не связана с убийством твоего отца и брата. Разве что косвенно, – уклончиво сообщает Бернс.

– Я не понимаю, – выдыхаю, ощущая пульсацию в висках.

– Сейчас поймёшь, – Бернс открывает верхний ящик стола и достает из него две кожаные папки, кладет перед собой и бросает на меня внимательный острый взгляд. – Этот отчет ты не запрашивал у старого друга и коллеги своего отца Гранта Эверетта, – кивает на ту, что справа. – Он сделал его сам. По личной инициативе. Файл с собранными данными на человека, вызвавшего интерес Эверетта, хранился на его компьютере. Не здесь. Он не успел его удалить, к тому же для сбора Грант использовал персональный компьютер и тем самым поставил себя под удар. Распечатанная версия отчета была отправлена почтой сюда за несколько часов до пожара. То есть у нас имеются веские причины полагать, что сведения, указанные здесь, – Бернс ударил обсуждаемой папкой по столешнице, – не должны были попасть в твои или чьи-либо еще руки.

– Что в отчете? – надтреснутым хриплым голосом спрашиваю я.

– Скорее, кто, – ухмыляется Дэвид Бернс и, положив папку на стол, позволяет мне увидеть имя, вписанное в графу «Дело».

Фей Уокер.

Меня окатывает ледяной волной, острые иглы пронизывают легкие, в голове шумит от стремительного потока мыслей. Я смотрю на буквы, составляющие имя девушки, которой доверял и слепо любил, пока они не начинают расплываться перед глазами, отпечатываясь грубыми рубцами на сердце. Еще не знаю, что внутри, но уже понимаю, что мой мир перевернется, рухнет окончательно, когда я дойду до последней страницы. Я протягиваю руку к отчету. Моя изуродованная кисть дрожит, и мне плевать, что Бернс прекрасно знает причину моего состояния.

– Ты сможешь ознакомиться с содержимым при условии сотрудничества с нами, – Бернс двигает злополучный отчет Эверетта обратно к себе. Я поднимаю на него вопросительный взгляд.

– Что именно от меня требуется? – голос звучит совсем сипло. – Что вам нужно?

– Купидон, Джером. Нам нужен Купидон. И если ты готов принять наше предложение, то мы можем перейти к содержимому другой папки. Ты уверен, что готов к тому, что тебе придется услышать?

Агент Бернс выдерживает паузу, в течение которой я пытаюсь осмыслить значение услышанных слов. Это непросто, учитывая обстоятельства.

– Мне нужны гарантии, – наконец произношу я твёрдым тоном, прожигая взглядом досье с именем Фей.

– Какие? – деловито уточняет Бернс.

– Виновные в гибели отца должны понести наказание.

– В этом наши цели сходятся, Джером. Можешь не сомневаться, что так и будет. Я могу рассчитывать на твою помощь?

– Да, – уверенно говорю я. Дэвид удовлетворённо кивает и открывает вторую папку. Извлекая из нее фотографии одну за другой, кладет передо мной. На них запечатлены мертвые женщины. От совсем юных девочек до достигших более зрелого возраста. Зрелище не для слабонервных, но я неоднократно сталкивался со смертью лицом к лицу, чтобы пасовать сейчас.

– Кто они? – глухо спрашиваю я.

– Жертвы экспериментов, которые ставили над живыми людьми директора Медеи. Кертис Морган действовал не один, и тестирование препаратов, разрабатываемых в секретных лабораториях под эгидой корпорации, проводились нелегально. Официальные цифры, разумеется, сильно отличались. Моро и члены правления были в курсе, вопреки их показаниям. Но прямые улики у нас были только против Кертиса Моргана, а его разговорить так и не удалось. Надежды, что после досрочного освобождения он непреднамеренно сдаст своих партнёров, тоже не оправдались. Кертиса убрали быстрее, чем он вернулся в бизнес. Большинство погибших – проститутки. Их тела, как правило, не были опознаны родственниками. Эти девушки вывозились из стран третьего мира и поставлялись в бордели, которыми заправлял Кертис. У нас нет прямых доказательств, все следы участия Морганов и других членов правления Медеи тщательно зачищены. У действующего президента корпорации и Логана Моргана есть свои люди в ФБР, и с недавних пор нам известны их имена.

– Чем я могу помочь? – напряженно интересуюсь я.

– Войдя в правление, ты получишь доступ к информации, которая поможет нам раскрыть всю цепочку преступлений, включая теневые схемы бизнеса, связи с другими незаконными конгломератами. Используя полученные с твоей помощью доказательства, мы в короткий период времени избавим страну от разрушительного влияния теневых корпораций, – поясняет Бернс и выкладывает на стол еще один снимок.

По позвоночнику ползет сковывающий холод. На фотографии запечатлен момент, где я, Эби и мои телохранители спускаемся по лестнице к ожидающему нас на пристани вертолёту. Не сводя с меня пристального взгляда, Дэвид кладет сверху еще одну фотографию. На ней изображены разлетающиеся обломки убежища в скалах. На третьем снимке мы с Эби в Мадриде на балконе Плазы. На четвёртом – она и Брекстон в аэропорту Сент-Луиса.

– Эти снимки сделаны со спутника, Джером, нашими агентами, – продолжает Бернс. – Кротов Медеи мы обнаружили уже после того, как фотографии были переданы третьим лицам, имена которых тебе прекрасно известны.

– Как они вышли на отца? – напряжение внутри достигает своего пика, и я стискиваю кулаки, не в силах контролировать эмоции. Бернс кладет на стол очередную фотографию. Изображение нечеткое, потому как снимок сделан в вечернее время. Это яхта, вероятно, принадлежащая отцу. Та самая, на которой произошел взрыв.

– Ночь перед гибелью Гранта и его сына, – бесстрастно подтверждает мои догадки Бернс. – Это Гектор. – он показывает пальцем на высокого худощавого парня в спортивном костюме, стоящего на трапе. Я никогда бы не узнал его в толпе. Еще один жестокий удар из прошлого угодил в сердце. – А это, как думаешь, кто? – агент переводит палец на девушку, стоящую спиной к камере. Немного виден профиль, темные короткие волосы под бейсболкой, мешковатая одежда и рюкзак на плечах. Выглядит как туристка. Я в недоумении пожимаю плечами. – Посмотри внимательнее.

– Его подруга? – предполагаю я.

Бернс вздыхает и разворачивает ко мне монитор с загруженным изображением. Я снова неопределённо качаю головой, и Дэвид листает следующий кадр, где девушка подает Гектору руку, увеличивает картинку. Я застываю, когда мой взгляд натывается на татуировку, расположенную на ребре ладони незнакомки. Каллиграфическая буква К. Я помню каждый завиток, потому что не раз проводил по ним губами. В голове взрывается адская боль. Я поднимаю на Бернса потрясённые глаза.

– Она была в Париже... Я сам заказывал билет, – растерянно бормочу убитым голосом.

– Фей Уокер не покидала Сент-Луис, по крайней мере, не под своим именем.

Я провожу ладонью по лицу, воздуха не хватает, в мыслях полный сумбур. Бернс понимающе кивает и придвигает ко мне папку с именем Фей.

– Открой. Ответ находится здесь.

Выполнить его требование оказывается не так просто. Сердце колотится, как оголтелое, пока я открываю досье, пролистываю имеющиеся внутри данные. Бесстрастные биографические характеристики, информация о личных контактах, фотографии, свидетельствующие о связи Фей со всеми фигурантами событий: Моро, Логан, Зак.

Что происходит, черт возьми?

– Здесь полная биография мисс Уокер, за исключением двух лет, которые Эверетту не удалось отследить. После трагического нападения Кертиса на дом Спенсеров, девушка исчезла и объявилась в Чикаго, где вступила в связь с уже ранее знакомым ей Заком Морганом. В возрасте пятнадцати лет Фей была передана ему для оказания сексуальных услуг собственной матерью, в прошлом проституткой, работающей в борделях под покровительством Кертиса Моргана. Встретив повзрослевшую Фей, Морган снова увлекся бывшей любовницей, снял для нее квартиру и финансово обеспечивал. Мисс Уокер имела своеобразное влияние на Зака, что не осталось незамеченным для отца молодого человека. Логан за определённую плату предложил девушке передавать ему некоторые личные данные о сыне, чтобы хотя бы как-то контролировать неуправляемого наследника. Наблюдение за тобой было выгодно для обеих сторон, как сыну, так и отцу, и тут мисс Уокер сорвала двойной куш, – следующий кадр запускает еще один виток шока. На нем Фей и Кайла Грэм в квартире, которую я купил для нее. Голые. В нашей постели. И это не новость, недоумение вызывает другое...

– Обрати внимание на дату, Джером. Тот самый вечер, когда мисс Грэм умерла.

– Вам и это известно? – глухо спрашиваю я.

– Конечно, – кивает Бернс. – Можно оставить на время нравственную составляющую, Джером. Тут интересно другое. И ты найдешь доказательства моих слов, когда тщательно изучишь досье. Фей выложила в сеть то самое видео, где запечатлено аморальное поведение дочери священника. Я предполагаю, что именно она, а не Зак Морган угостила девушку наркотическим дженериком[1 - Джене?рик (англ. generic drug) – воспроизведенное лекарственное средство, содержащее химическое вещество – активную фармацевтическую субстанцию, идентичную ранее изобретенной и запатентованной другой компанией. Дженерики, относящиеся к воспроизведенным лекарственным средствам, продаются после истечения срока

действия патента под международным непатентованным названием либо под патентованным названием, отличающимся от фирменного названия разработчика препарата (Википедия).] Купидона.

– Зачем?

– Вероятно, ей нужно было отвлечь тебя, загнать в стрессовую ситуацию, – сухо поясняет Бернс и достает из второй папки документ и протягивает мне.

– Что это?

– Данные с твоего личного компьютера, отправленные мисс Уокер одному из кротов Логана в ФБР. Филли Бойл вызвала у Фей массу вопросов и подозрений, которыми она поделилась с Логаном. Тот сделал определённые выводы и запросил у нее конкретную информацию. Разумеется, никакая защита не оградит от санкционированного доступа, а агенты, перекупленные Логаном, таковой имели.

– Не понимаю, зачем ей это нужно? – тряхнув головой, растерянно бормочу я. Ни одна логическая схема не складывается. У меня нет ни одного мало-мальски разумного объяснения безумным поступкам Фей.

– Деньги. Огромные средства поступали на офшорные счета мисс Уокер, она собиралась покинуть Штаты и, видимо, именно это и сделала в настоящий момент.

– Сколько нужно заплатить за убийство? Фей не просто передала информацию. Она лично выполнила заказ.

– Я тоже считаю, что помимо личной выгоды, у мисс Уокер имелись сопутствующие причины для ее преступных действий, – задумчиво согласился Бернс. – Вероятно, девушка была серьёзно травмирована поведением матери, передавшей ее, как товар, в достаточно юном и раннем возрасте. И происходило это не единожды. Несомненно, Фей было за что люто ненавидеть Морганов, но в то же время только они могли обеспечить ей свободу, к которой она стремилась. Логан запросил свою цену, и девушка посчитала ее приемлемой.

– Она не могла убить, – отрицаю я, осознавая нелепость своих заявлений при имеющихся в наличии фактов и доказательств. – Я не верю. Не ради денег или даже свободы.

– А личные мотивы не рассматриваешь? Возможно, у нее есть повод мстить тебе? – окинув меня быстрым взглядом, интересуется Бернс.

– Мне? Черт, да я мир готов был бросить к ее ногам, – возмущенно возражаю я.

– Но не бросил же, – холодно ухмыляется он. – Думаю, в этом дело.

– Нет, я не сделал ничего такого, чтобы заслужить месть с ее стороны, – категорично заявляю я.

– Это ты так считаешь, – снова возражает Бернс. – Джером, женщины непредсказуемые существа. Самые жестокие преступления, не поддающиеся логическому восприятию, совершаются женщинами. То, что для тебя не имеет особого значения, для нее может быть самым важным событием в жизни. Какое-то случайно брошенное слово, обещание, измена, неоправданные ожидания. Что угодно. Сегодня ты для нее Бог, завтра – самый злейший враг.

– Где она сейчас? – стиснув зубы, спрашиваю я. Агент Бернс мрачнеет, отводя взгляд в сторону.

– Мы пытаемся это выяснить. У нас тоже имеется к мисс Уокер немало вопросов. Однако наша версия ее мотивов однозначна – деньги, которые она собиралась использовать, чтобы начать новую жизнь где-нибудь в райском местечке.

– Она хотела, чтобы я женился на ней, – произношу отрешенно.

– Это могло быть требованием Логана, рассчитывавшего оказывать на тебя влияние через Фей. Ей тоже брак с тобой был бы выгоден. Из проститутки в уважаемую леди, законную супругу богатого наследника. Кто откажется от такого? Но, вероятно, девушка поняла, что женитьба не входит в твои планы или же изначально не входила в ее.

– Я просил дать мне время.

– Сразу после этого что-то произошло, не так ли?

Я мрачно киваю, вспоминая уничтожившую меня сцену в каюте с участием Фей и Зака.

– Думаю, она сделала свои выводы, Джером, – выдвинул свою версию Бернс.

Скорее всего, Дэвид Бернс прав. Секс с Заком, продажа квартиры, ее исчезновение – все это случилось сразу после того, как я попросил Фей уехать на время, пока сам буду решать свои проблемы. Черт, именно она и устроила мне эти гребаные проблемы. Везде она, куда ни посмотри. Как Фей посмела прикоснуться к моей семье? Как, черт возьми?

– Мы найдем ее, Джером, – заверяет меня Бернс. – Но сейчас нам нужно вернуться к Купидону. Твой отец провел серьезное и детальное расследование в отношении гибели Дайаны Моро. Он пришел к выводу, что убийство заказал ее муж. Мотивы прозрачны: предательство, измена, ревность, бегство. Грант считал, что Дайана Моро обратилась к нему не только потому, что боялась гнева мужа. По версии Кеннета, она овладела некой информацией, связанной с деятельностью Моро и Кертиса Моргана, в частности, касающейся проекта Купидон. Имея полный доступ к исследованиям, Дайана Моро могла бы стать для нас незаменимым свидетелем, но предпочла укрыть имеющуюся важную информацию, что и стало в итоге причиной ее убийства.

– Как Фей связана с Моро? – задаю еще один мучающий меня вопрос.

– Есть подтверждение только одного контакта между мисс Уокер и Моро в людном месте при множестве свидетелей. Возможно, Моро подозревал, что тебе известно местонахождение компрометирующей и опасной информации, скрытой твоей матерью. И пошел тем же путем, что и Логан. Намеревался использовать Фей, чтобы выяснить некоторые личные данные о тебе. – Бернс бросает на меня пристальный взгляд. – Моро ошибается?

– Нет. Не ошибается. Но Фей не в курсе. – отвечаю твердым сдержанным тоном. – Мне нужно попасть на Сейшелы, чтобы я мог дать вам более конкретный ответ.

– Разумеется, мы окажем всяческое содействие, – поспешно заверяет меня Бернс. – Сам понимаешь, что если мы получим документальные подтверждения

и сможем доказать связь Медеи со смертями девушек, с которых я начал, а также с секретными разработками по Купидону, то это ускорит процесс противодействия правительственных структур и организованной преступности под эгидой Медеи и ее партнёров.

– Мне необходима гарантия безопасности для Эбигейл Спенсер, – безапелляционно выдвигаю условие.

– Сейчас ее безопасность напрямую связана с тобой, Джером. Обеспечить защиту двум объектам, находящимся в непосредственной близости, гораздо проще. Ее отъезд только подтолкнёт твоих недоброжелателей на решительные действия. В данный момент ей безопаснее находиться рядом. У основателей Медеи имеется свой свод нерушимых правил, ряд которых включает неприкосновенность членов семьи, даже во время конфронтации между наследниками. Я думаю, ты понимаешь, что нужно делать. Поездка на Сейшелы может стать отличным подарком на свадьбу.

– А как насчет Джоша и Аннабель? – игнорируя первую с момента нашей встречи улыбку Бернса, резко спрашиваю я. – Им тоже нужна защита. Если Логан начнет играть по-крупному, то никакие правила не будут иметь значения.

– Мы уже взяли их под наблюдение, Джером, – сообщает Бернс. – Но тебе стоит опасаться не столько Логана Моргана, сколько Моро. Его влияние гораздо шире, и если ты действительно получишь доступ к компрометирующим данным против него, то автоматически обрешь в его лице серьёзного врага.

– Моро без пяти минут покойник, – хмуро напоминаю я.

– Нам это известно, но не стоит списывать его со счетов раньше времени, Джером. Успех нашей операции напрямую зависит от тебя и от того, что за информацию скрыла от нас Дайана Моро.

Глава 2

Сейшельские острова. Несколько дней спустя.

Джером

Шесть-три, черепаха,

Два-четыре, пальмочка,

Пять на паруснике опять.

Уплывает вслед за ним,

Весь в полосочку дельфин.

Остаешься ты один...

Строки песенки снова и снова навязчивой монотонной мелодией крутятся в моей голове, пока я прохожу за высоким широкоплечим сотрудником банка через массивные двери в хранилище. Раньше мне казалось, что считалка, услышанная последней из уст матери, несет в себе нечто трагическое. Прощальное. Финальная строчка навевала еще более тягостные воспоминания: лютый холод, обмороженные руки и ноги, беспомощное отчаяние, страх и угасающее небо, а еще ее голос, привидевшийся мне, когда я проваливался в беспамятство.

Истинное значение бессмысленных стихотворных строк с неправильным набором цифр я осознал несколько недель назад. Совершенно случайно, на границе между сном и явью меня внезапно пронзило озарение. До сих пор я не могу поверить, что спустя двадцать лет стою на пороге открытия тайны с истекшим сроком давности. В моей правой руке только что полученный ключ, в левой – кейс, который предварительно осмотрели, а в сердце сумятица и волнение, в голове вереница вопросов и надежда на то, что ответы не заставят себя ждать так же долго, как ячейка под номером 632451 ждала своего вскрытия. Разгадка все время была в моей памяти. Черепаха – главный символ Сейшельских островов, пальма и парусник изображены на официальном гербе экзотического и популярного у туристов островного государства в Южной Африке. Сложнее оказалось найти банк и получить необходимый доступ, но деньги и связи открывали и не такие двери.

– Прошу вас, сэр, – сотрудник банка показывает в сторону секторов с определенным номерным рядом. Я опускаю голову, стараясь не светить лицо камерам, фиксирующим все происходящее в помещении.

Мои руки не дрожат, когда я вставляю ключ. Он идеально подходит. Слишком просто, стучит в голове, но на самом деле я проделал долгий, очень долгий путь. И если бы я оказался здесь еще в его начале, то, возможно, многих потерь удалось бы избежать. Я не узнаю наверняка, пока не загляну внутрь.

– Сэр, здесь вам будет удобнее ознакомиться с содержимым ячейки, – открывая передо мной еще одну металлическую дверь, вежливым официальным тоном произносит сотрудник банка. Его лицо не выражает ни малейших эмоций. В хранилище не душно, благодаря исправно работающим кондиционерам, но от волнения рубашка на спине под пиджаком ощутимо взмокла.

Я прохожу внутрь небольшого ярко-освещённого помещения. Белые стены, стол, стул, компьютер и счётная машинка для денег. Вот и все убранство. Немногословный сопровождающий оставляет меня наедине с моими тайнами, хотя на самом деле они принадлежат не мне.

Поднимаю металлическую крышку ящика и первое, что вижу сверху – черно-белая поблекшая от времени фотография. Моя мать, Дайана Моро, совсем юная, улыбающаяся и счастливая, и рядом с ней человек, которого я ожидал увидеть меньше всего. Он обнимает ее за талию и немного хмурится, отворачиваясь от объектива фотоаппарата. На вид им обоим не больше двадцати лет или даже меньше. Однако не узнать его невозможно. Этот человек не Квентин Моро. И даже не Кертис Морган. Прямо сейчас я смотрю на профиль мужчины, которого считал своим единственным и настоящим отцом. Стивен Спенсер. Кеннет Грант. Возможно, список его имен гораздо длиннее. Но это не единственное открытие, что потрясёт меня сегодня.

Насколько непредсказуемы могут быть жизненные повороты. Еще вчера, да что там, пять минут назад мое собственное хранилище тяжелых воспоминаний, перевернувших душу, имело определенные границы и вмещало ровно столько, сколько я успел пережить и прочувствовать.

Последние катаклизмы произошли совсем недавно. Мне никогда не забыть опциональных бесстрастных фраз Бернса на конспирированной квартире ФБР, куда явился по наводке ничего не подозревающей Эби. И обличающие говорящие снимки, лежащиеся один на другой. Сотни подтверждений, не требующих каких-либо еще доказательств. И почти на каждом из них была Фей.

Фей. Мое личное проклятье, от которого я могу избавиться только устранив физически. И не имеет никакого значения, что побудило ее предпринимать одну за другой методичные попытки уничтожить меня. Бернс представил мне доказательства ее связей со всеми фигурантами событий. Зак Морган, Логан, Квентин Моро. Она была замешана в трагической гибели Кайлы Грэм от дженерика препарата, заглавная буква которого выколота на тыльной стороне ладони Фей. У ее матери никогда не было никакого второго имени, да и кто бы стал увековечивать память такой матери? Фей лгала мне во всем, виртуозно и нагло. Она была на яхте в ночь вместе с Гектором, по глупости приютившем заблудившуюся девушку. Никакого Парижа. Ее там не было. Ни одной долбаной случайности. Я все время упускал из внимания тот факт, что Фей неплохо разбирается в программировании. Ей ничего не стоило поставить программу слежки на мой ноутбук. И она одна видела аккаунт Филли Бойл и находилась в примерочной в тот момент, когда я встретил настоящую Филисити. Фей могла слышать наш разговор. Уверен, что она слышала. Ну а дальше дело за техническим прогрессом.

Разумеется, мисс Уокер действовала не в одиночку. И у нее были самые могущественные помощники и покровители, каждого из которых она по-своему водила за нос. Кто из них являлся ключевой фигурой, мне еще предстоит понять. Весь хаос, сотрясавший мою жизнь на протяжении последних месяцев, породила Фей, являясь эпицентром смертоносного урагана. И мне не интересно – за что. Я просто хочу остановить ее. И уберечь ту, что носит теперь мое имя. Чудесное спасение Эби больше не является тайной, и не только для спецслужб. Бернс предоставил неопровержимые подтверждения, не оставив места для маневра. Отъезд Эби в Сидней или любую другую точку мира утратил свою актуальность. Если враг временно имеет перевес и установлен не со стопроцентной точностью, то приходится искать варианты.

Правила, условия, уступки, слежка, подкуп, договорённости, обмен информацией. Это совсем не то, о чем я грезил, представляя себя курсантом полицейской академии. Когда-то я мечтал попасть в ФБР, но не считал себя достаточно способным, да и физические увечья могли воспрепятствовать воплощению амбиций. Возможно, Эби права, и вселенная глуха на одно ухо, поэтому стоит кричать громче и правильнее формулировать свои желания и просьбы, чтобы не было потом вопросов к воплощению. Как в моем случае.

Я привычным усилием блокирую назойливые мысли о Фей, возвращаясь к насущным проблемам, имеющим приоритетное значение. Откладываю блеклый

снимок в сторону и бегло оглядываю содержимое ящика. Я больше чем уверен, что держу в своих руках секрет на миллион, разыскиваемый многими. Толстые исписанные тетрадки, бумажные папки с документами, копии с пометками от руки, отчеты, результаты тестирования, запрототолированные исследования, внутренние накладные нелегальных лабораторий с именами и подписями действующих руководителей Медеи. В самом низу с десятков старинных дискет и небольшая прямоугольная книжечка в твердом переплете. Внутри образовывается тугой комок, нервный импульс натягивает напряженные мышцы. И я уже знаю, что эта маленькая тетрадь, похожая на карманный молитвослов (на ней даже крест имеется), расскажет куда больше, чем все остальные многочисленные документы. И на самой первой странице я читаю строки, написанные неразборчивым подчерком:

8 мая 1987 года. Я начинаю вести записи, чтобы происходящие события не были исправлены и видоизменены теми, кто в конечном итоге будет писать историю моей жизни, оценивать и выносить суждения, обвинять в том, чего я не совершала. То, чем я занимаюсь, незаконно, преступно по отношению к человеческой жизни. Но мой муж не позволит мне выйти из дела. Ни мой муж, ни его партнёр и самый отвратительный тип из всех, кого я знаю – Кертис Морган.

Эбигейл

Перебирая пальцами белый песок, я смотрю на линию горизонта, где бескрайние, пронзительно голубые воды Индийского океана сливаются с безоблачным чистым небом. За спиной роскошная вилла, окруженная банановыми джунглями и пышной тропической растительностью.

Тишина вокруг, нарушаемая криками экзотических птиц. Безмолвие. Завораживающая красота. Легкий бриз оставляет крупинки соли на губах и пробуждает лёгкую тоску в груди. Не беспричинную, нет. Я нахожусь, пожалуй, в самом прекрасном месте на планете, и мне безумно горько от мысли, что не могу разделить свое восхищение с самыми близкими мне людьми. Они где-то там, за синими далями, так высоко, что не дотянуться. Ни один небесный фонарик не приблизит меня к ним, не вернет их обратно. Мне остается только память и скорбь, и глухое отчаяние.

Мы не можем изменить прошлое, не в силах воскресить любимых. Жить мгновением, сегодняшним днем, брать то, что предлагает судьба – мои новые

правила. Я не оригинальна и не очень умна. И чрезмерно доверчива. И мне очень хочется надеяться на чудо, верить в то, что мы оказались с Джеромом вдвоем в этом райском месте по воле судьбы или providения.

Шум от колес электромобиля, приближающегося к вилле по грунтовой дороге, на короткий миг вырывает меня из потока мыслей. Я не оборачиваюсь, продолжая смотреть на безмятежный спокойный океан. Солнечные лучи согревают открытые участки тела, ощутимо припекая кожу. Из одежды на мне только белый купальник с широкой лямкой на покрытом шрамами плече. Сброшенный прозрачный сарафан лежит рядом на песке. Неторопливо поднимаю его, стряхиваю и набрасываю на плечи.

В голове мелькает запоздалая мысль о солнцезащитном креме и быстро исчезает, когда через пару минут на деревянной лестнице, спускающейся от виллы к пляжу, раздаются мужские уверенные шаги.

Песок хрустит под его ногами. Пара секунд, и Джером садится рядом. В футболке и шортах, с босыми ногами. Утром он выглядел иначе, когда тихо покидал нашу виллу, уверенный, что я сплю. Меня разбудил шум вертолётной вертушки. Открыв глаза, я успела увидеть только удаляющуюся спину Джерома. Строгий дизайнерский костюм и кейс в руках, дорогой аромат мужского парфюма.

Можно бесконечно прятать голову в песок, но реальность неумолима. Моего новоиспечённого мужа привело на Сейшелы вовсе не желание устроить для меня отпуск мечты и не стремление придать нашему скоропалительному браку оттенок достоверности. Я до сих пор не уверена, что мне не приснилось свадебное платье, купленное впопыхах, кольцо с бриллиантом, цена которого еще месяц назад привела бы меня в шок, скромная церемония, мрачно-красивый жених, не произнесший ни слова, кроме «да» и «согласен», единственный свидетель в лице Рони Брекстона и букет белых роз, от волнения забытый в такси.

Не такой я представляла собственную свадьбу, и причины, вынудившие Джерома принять столь внезапное решение, пока остаются за кадром. Когда я соглашалась, то не думала о последствиях, мной овладела эйфория. Заветное желание исполнилось. Мы женаты четыре дня, но это лишь сухая констатация факта. Два незнакомца, оказавшиеся в странных и неловких условиях и понятия не имеющие, что делать дальше. То, что, по сути, должно было сблизить нас,

отдалило еще сильнее.

Может быть, виновата я сама, потребовав в ультимативной форме дополнительное время для того, чтобы разобраться в себе и привыкнуть к мысли о том, что я внезапно стала замужней женщиной. Он посчитал меня сумасбродкой, не наигравшейся в игрушки и не понимающей, чего хочет. Это не мои догадки. Джером так и сказал, когда после процедуры бракосочетания мы вернулись в отель, и я попросила его взять еще один номер и оставить меня одну. Но он выполнил мое условие. И больше не предпринимал ни одной попытки притронуться ко мне.

Я действительно не знаю, что думаю по этому поводу. Мысль об интимной близости страшит меня, но еще больше пугает холодное отчуждение, возникшее между нами.

Вернувшись в Сент-Луис, Джером три дня пропадал на работе, возвращался поздно ночью и уходил спать в свободную спальню. Мы практически не виделись и не разговаривали. Я даже не знаю, сообщил ли он кому-то о том, что женился, или у нас что-то вроде тайного брака.

Я по-прежнему никуда не выходила, занималась домом и ждала мужа. Мужа... Черт, даже звучит дико. А вчера утром Джером просто поставил меня перед фактом, что мы летим на Сейшелы на три дня. Никаких объяснений и совместно выпитого шампанского не последовало. Он лично укладывал мои вещи, отбрасывая в гору у кровати многочисленные модели шорт и бракуя купальники через один. А потом собрал все в кучу и выбросил.

Как же я была зла! Я просто клокотала от ярости, но не сказала ни слова. Хотя он ждал. Я видела в его глазах огонь противоречия. Ему не хватало наших перебранок, остроумных, ярких, вызывающих бурю эмоций. И мне тоже... Но что-то останавливало от бурного проявления характера, от желания подерзить и подразнить Джерома.

Меня пугало то, что теперь у него имелись законные права на то, чтобы повторять тот ночной кошмар снова и снова. И, черт, соглашаясь на брак с ним, я соглашалась и на эту часть супружеской жизни тоже, но в памяти все еще живы испытанные шок, боль, обида, унижение. Было стыдно, глупо, обидно, и совсем не так, как пишут в книгах и показывают в кино. Грязно, больно, грубо. Я

понимаю, что нам придется поговорить об этом, о моих опасениях и переживаниях, но не уверена, что Джером поймет.

Выматывающий перелет и внутренние тревоги лишили меня последних сил, я буквально вырубилась, едва оказавшись на вилле. Упала на огромную кровать в шелковых брюках и блузке и мгновенно уснула. А проснулась в одном белье под тонкой простыней, и, судя по смятой соседней подушке, Джером ночью не сбежал и спал рядом. А возможно, здесь нет другой спальни. Тем не менее, он все-таки сбежал утром.

И вот спустя три часа мы в напряженном молчании сидим плечом к плечу, не решаясь начать разговор. Не осталось ни сил, ни желания на банальные вежливые пустые фразы. У меня накопился миллион вопросов и столько же претензий. Я устала молчать и строить предположения. Мне нужна правда и только правда, никаких больше игр и утаиваний фактов ради сохранения безопасности. Чтобы избежать угрозы, мы оба должны знать, в чем она заключается и откуда может прийти. Мир нельзя спасти в одиночку. Никого нельзя спасти, не имея за спиной надежного тыла и опоры. Я это точно знаю.

– Нам доставили завтрак. Ты не притронулась, – буднично произносит Джером, набирая в кулак горсть песка и тонкой струйкой выпуская обратно. Я прикрываю глаза ребром ладони, щурясь от яркого солнечного света. – И вчера почти не ела.

– Проблемы с аппетитом, – отзываюсь бесстрастно. Я чувствую на себе сканирующий взгляд, настойчивый, задумчивый, тяжелый. Все бы отдала за возможность заглянуть в его мысли. Но даже на то, чтобы взглянуть в любимое лицо, не могу собраться с силами.

– И с настроением, – замечает сухо мой немногословной муж. – Может, поговорим?

– Я не против. Начнем с того, куда ты летал утром. И чтобы сразу прояснить ситуацию скажу, что видела, как ты уходил. В костюме. И я слышала шум вертолета.

– Я думал, ты спишь, – после непродолжительной паузы, немного смутившись, отвечает Джером.

– У меня чуткий сон.

– Когда я тебя раздевал, ты не проснулась. Могу предположить, что ты сделала это намеренно? – скептически интересуется Джером.

– Зачем? – хмурюсь я.

– Ты кое-что задолжала, Эби, – в его голосе появляются вибрирующие нотки. Черт, я чувствую, как мои щеки заливают румянец. Прекрасно понимаю, куда клонит этот лис.

– И что же? – невинно хлопнув ресницами, я бросаю на него быстрый взгляд и снова отворачиваю лицо к океану.

– Брачную ночь, вообще-то, – ухмыляется Джером и добавляет чувственным тоном: – Четыре брачные ночи, если быть точным.

– Ты обещал мне дать время, – напрягаясь, напоминаю я.

– Ничего подобного. Ты потребовала, я не стал настаивать.

– Это твой способ избегать ответов на заданные вопросы? – парирую, стягивая на плечах тонкую ткань сарафана.

– У тебя нос обгорел. Давай вернемся на виллу и поговорим за завтраком. Но не рассчитывай на конструктивный разговор до того, как я получу все, что мне положено, миссис Морган, – я не вижу его улыбку, а чувствую. Его настрой более чем красноречив и понятен. Внутри зарождается смесь тревоги и предвкушения. Он волнует меня, я хочу его прикосновений и безумно боюсь их.

– Брачная ночь подразумевает собой другое время суток, – делаю еще одну жалкую попытку отсрочить неизбежное.

– Долг жены ублажать мужа в любое время суток, – ухмыляется Джером. О да, он доволен собой и тем, что полностью контролирует ситуацию.

– А как насчёт долга мужа? – иронично уточняю я. Его ответ снова предсказуем.

– Он абсолютно идентичен. Я готов исполнить его прямо сейчас, но, к сожалению, секс на пляже чреват неприятными последствиями.

– Я помню, у тебя имеется запас таблеток от неприятных последствий, – раздраженно напоминаю я.

– Нежелательных и незапланированных, Эби. И я говорю сейчас не о беременности, а об интимных частях тела, которые будут испытывать дискомфорт от соприкосновения с песком.

Жар сползает с лица на шею, покрывает плечи, и я чувствую себя полной идиоткой.

– Кстати, о таблетках. Тебе необходимо начать пить противозачаточные препараты на постоянной основе. Я совершенно забыл об этом, но если ты не побеспокоилась, то закажу все, что нужно, и нам доставят таблетки через пару часов.

– Я побеспокоилась, – еще сильнее краснея, смущенно бормочу я.

– Вот и отлично. Ты умница, малышка, – отвечает муж удовлетворённо и прыжком встает на ноги, отряхивает шорты, и протягивает мне руку. – Пойдем?

Это не вопрос, ни разу не вопрос. Требование, приказ. Я поднимаю голову, солнце светит на него так, что я не вижу выражения лица, черты кажутся смазанными. Однако вся его поза кричит о неумолимости и решительности. Если я не соглашусь, то он просто взвалит меня на свое плечо и потащит силой. Отчасти я хочу... Да, хочу, чтобы он не оставил мне выбора, решил за меня.

– Искупаемся в океане после обеда, – его улыбка становится шире, стоит вложить свои пальцы в протянутую ладонь. – Если не боишься акул, которых в местной акватории насчитывается огромное количество видов.

– После обеда? – уточняю с недоумением. Он рывком притягивает меня к себе, бесцеремонно сжимая мою задницу и прижимая к вздувшимся спереди шортам.

Не хочу даже думать, что там под ними, но думаю, черт. И помню. Причем не только визуально, но и тактильно, и на вкус.

– Или после ужина. Как пойдет, – чувственно шепчет он, склоняясь к моим губам.

Его поцелуй жадный, собственнический, пряный и острый. Все мое тело плавится и в то же время пытается отстраниться, но Джером крепко удерживает меня, и каждое властное движение его языка у меня во рту и бедер напротив моих вызывает горячее покалывание внизу живота.

Сарафан падает на песок, и Джером нагло сжимает мою грудь, потирая сосок через ткань купальника. Ощущение приятное, но все равно пугающее. Я начинаю задыхаться, растревоженная, смущенная, застигнутая врасплох противоречивыми эмоциями, и он отпускает мои губы, одновременно дергая вниз лифчик, и моя голая грудь оказывается в его руках, обеих руках, беззащитная перед его жадными прикосновениями и настойчивым взглядом. Соски предательски твердые, остро реагирующие на чувственное трение шероховатых подушечек мужских пальцев.

– Обалденно смотришься, малышка, – низким голосом произносит Джером, я вздрагиваю, когда он ощутимо щиплет мои вершинки. – Это то, что я бы съел на завтрак. Прямо сейчас, – бормочет, подсаживая меня ладонями под попку и оборачивая вокруг себя мои ноги. Опускает голову к порозовевшей груди и ласкает изнывающие соски языком и губами, медленно направляясь к лестнице, ведущей на виллу.

Джером движется легко, словно я ничего не вешу, крепко удерживая меня своими сильными руками. Вцепившись в его мускулистые каменные бицепсы, обтянутые футболкой, я что-то невнятно мычу, пытаюсь сохранить мысли ясными, но он не позволяет, втягивая поочередно твердые вершинки в свой горячий рот. Несдержанно стону и непроизвольно потираюсь промежностью о его торс, приходя в ужас от собственных развратных действий.

Странно, но когда я раздевалась перед ним несколько недель назад, виляя задницей и напрашиваясь на жесткий секс, мыслей о непристойности моих действий не возникало. Я тогда следовала цели, и меня не интересовали какие-либо условности, но не устроил и даже привел в ужас результат. Я рассчитывала на что-то большее, но получила животное грубое сношение. Никаких тебе

бабочек в животе, сейчас обманчиво бьющих крыльями, убеждая дать этому парню еще один шанс.

Словно у меня есть выбор. Джером все равно сделает то, что хочет. Сроки моего ультиматума истекли, и опять же он так решил, а пока я мысленно рассуждаю о своей нелегкой судьбе, Джером твердой походкой уверенного в своих действиях мужчины несет меня по деревянным подмосткам через открытую террасу в спальню.

Я успеваю заметить столик на колёсиках, элегантно сервированный, украшенный цветочными композициями, наполненное джакузи в центре комнаты и ведро с охлаждающимся в кубиках льда шампанским. На кровати с развевающимся прозрачным балдахином рассыпаны лепестки роз. У меня щемит сердце, глаза щиплет от слез. Безумно романтично несмотря на то, что волшебная атмосфера создана отнюдь не стараниями моего мужа, а внимательными сотрудниками отеля. Эта часть происходящих событий вполне соответствует моим пожеланиям.

– Я бы выпила шампанского, – взволнованно говорю я, пытаюсь усмирить дыхание.

Сердце бьется быстро, надрывно. Мне бы хотелось растянуть прекрасное мгновение, прежде чем снова погрузиться в кошмар. Я не нагнетаю, не сгущаю краски. Физическая боль, испытанная в свой первый раз, не самое ужасное.

Я была морально раздавлена. Вовсе не потому, что будучи наивной девочкой, представляла физическую сторону отношений, как что-то таинственно-приятное, нет.

Большую часть жизни я провела в отеле, где насмотрелась на различные стороны взаимоотношений между мужчиной и женщиной, шокирующие, вызывающие недоумение, а иногда и неприязнь.

Лето круглый год, ощущение свободы, жажда развлечений, ласковое солнце, теплый океан и восхитительные пляжи – атмосфера, способствующая максимальному раскрытию внутренних желаний отдыхающих, не самых лучших и достойных.

Джерома я никогда бы не поставила в ряд ни с одним из людей, с которыми сталкивала меня жизнь. В этом заключается моя главная ошибка. Джером такой же грешный, обожжённый жизнью, укомплектованный личными пороками, как сотни других, добивавшихся свидания со мной. От них Джерома отличает только одно – я люблю его, люблю любым, вместе с грехами и пороками, но что-то внутри меня сопротивляется требованию сердца, предостерегает, наполняя тревогой. И я безумно хочу, чтобы он дал шанс на счастье не только мне, но и себе самому.

Джером усаживает меня на край постели, окидывая нетерпеливым горячим взглядом. Его чувственная улыбка становится плутоватой, мальчишеской, и он щелкает меня по носу совершенно не эротичным жестом.

– Алкоголь плохо на тебя влияет, Эби, – замечает мой «внимательный муж» с иронией. – Выпьешь потом. Сейчас ты нужна мне трезвая, – добавляет хриплым шепотом, от которого по спине бежит табун мурашек. Я пытаюсь прикрыться руками, но он останавливает меня, опрокидывая на спину и фиксируя мои запястья над головой одной рукой, вторая настойчиво гладит грудь, вызывая томление и беспокойство. Мужские губы снова накрывают мои, и я позволяю себе сдаться, впуская его развратный язык, отвечая на страстные алчные поцелуи так, как умею. Но ощущение неуверенности в своих навыках, а точнее их полном отсутствии не исчезает. И чем настойчивее становятся прикосновения Джерома, тем сильнее я закрываюсь. Даже в первый ужасный раз мне не было так страшно, как сейчас. Возможно, потому что я не знала, что меня ждет...

– Что не так? – замечая мою отстранённость, Джером останавливается, отпускает мои запястья и, опираясь на локти, возвышается надо мной своим мускулистым сильным телом. Тяжелое дыхание, раздувающиеся ноздри, в потемневших синих глазах голая похоть. Его бедра между моих, слишком тесно, чтобы я не чувствовала размер... хмм, его желания.

– Мне страшно, – жалобно признаюсь я, презирая себя за трусость и слабость.

– Больно не будет, – его взгляд темнеет еще на пару оттенков и мрачно сканирует мое лицо.

– В прошлый раз ты говорил то же самое.

Глава 3

Джером

– В прошлый раз ты была девственницей, изображающей из себя особу лёгкого поведения, – напоминаю я, и ее тело, еще пару минут назад такое отзывчивое и чувствительное, напряженно застывает подо мной.

Перемена слишком ощутима и разительна, чтобы не заметить. И, черт, я понимаю, что налажал в ее первый раз, но откуда мне было знать, что сумасбродка играла со мной. Мне стоило остановиться, попробовать исправить оплошность, но я был слишком взбешен очередным женским обманом, а она настолько восхитительно-тесной, что фантастические ощущения затмевали голос разума.

Юная или взрослая, невинная или опытная – женщина никогда не изменяет своей натуре, нуждающейся в манипулировании мужчиной. Эби осознанно провоцировала меня, дразнила. Я среагировал так, как и большинство мужчин. Пьяный, обозленный, морально опустошенный, я не заметил никаких признаков неопытности, но не собираюсь оправдываться, посыпая голову пеплом.

Случившееся является обоюдной ошибкой, которую исправлять также придется вдвоем. Не совсем честный расклад, ведь в итоге я получил невероятный кайф, а она – боль и унижение. Но что поделать, в некоторых вопросах жизнь несправедлива к женщинам, что частично является компенсацией за наши мучения, в которых повинны коварные соблазнительницы.

– Теперь я не девственница, значит, мне ждать от тебя такого же отношения? По-взрослому, как ты выразился..., – затаив дыхание, она смотрит на меня огромными изумрудными глазищами, наполненными неподдельным страхом.

Мне хочется улыбнуться, но глупышка воспримет это как насмешку, и я просто ласково провожу губами по ее щеке, обхватываю мочку уха, касаясь кончиком языка,двигаюсь между раздвинутых ног плавно и ритмично, постепенно усиливая трение о самую чувствительную часть женского тела. Она вздыхает,

шумно задышав, в глазах мелькает смятение. Опускаю одну руку на вздымающуюся грудь с твердым соском, потираю, пощипываю, пока с губ девушки не вырывается протестующий всхлип.

– Все еще страшно? – спрашиваю низким шепотом. От усиленного контроля над реакциями тела на лбу и спине появляется испарина. Она закусывает губы и кивает. Ох уж эти губы, так восхитительно принимавшие меня почти полностью... Я не помню ее слезы и отчаянные попытки вытолкнуть мой член из своего горла, только потрясающие крышесносные ощущения и оргазм невероятной силы. Я конченный подонок, раз меня заводят мысли и воспоминания о том, что для нее является самым страшным кошмаром в жизни.

– Эби, просто расслабься. Второй раз боли не будет. Не уверен, что ты сможешь кончить, но никакой боли. Сто процентов, – бормочу, снова погружаясь в горячие воспоминания о том, как неистово трахал ее незащитное тело, умопомрачительно-тугое.

Несмотря на испытываемую боль, Эби была трогательно-нежной, это я тоже запомнил. Я разрывал девушку на части, как эгоистичный похотливый ублюдок, а она со слезами обманывала, что ей не больно, и просила не останавливаться. Я и не собирался. Слишком хорошо она ощущалась.

Дрожь проходит по позвоночнику, и, хрипло застонав, утыкаюсь губами в изгиб ее шеи, снова делая мучительный для меня толчок бёдрами, и немного отстраняюсь. Черт, придётся постараться. Держись, приятель, не скоро тебе удастся забраться между этих потрясающих ножек. Не посрами мое эго преждевременным белым флагом.

Под губами бешено бьётся венка, и пульс только усиливается, когда я забираюсь в ее бикини. Ноги Эби непроизвольно сжимают мои бедра, когда пальцы задевают чувствительные складочки. Она предсказуемо влажная, но это лишь реакция тела. Возбуждение женщины завязано на комплексе причин, и не все они базируются на физиологии. Сейчас я имею дело с внутренним психологическим блоком, который смогут разбить только терпение и нежность. Где бы еще пополнить их запасы, чтобы не растерять в процессе свой самоконтроль.

– Не надо, прекрати, – просит Эби жалобным тоном. Я нахожу между нежными створками волшебную кнопку, надавливая на нее, и девушка напрягается сильнее.

– Тебе неприятно? – спрашиваю, поднимая голову и сокращая расстояние между нами до миллиметра, ее горячее сладкое дыхание обжигает мои губы. Клубничная зубная паста. Она совсем ребенок. А я идиот и извращенец. Провожу кончиком языка по ее нижней подрагивающей губке, настойчивее растирая пульсирующий комочек. Эби вдавливают пятки в матрас, шумно выдыхая, и я снова пробую ее губы сначала осторожно, потом все напористей и глубже. Эби дрожит и постанывает, выгибаясь подо мной, ее соски вжимаются в мою грудь, острые, как пики, растревоженные, розовеющие, как сочные ягоды.

– Ты не ответила. Хочешь, чтобы я остановился? – отрываясь от сладких губ, интересуюсь срывающимся шепотом. Вдоль виска стекает капля пота, и, черт, я не уверен, что выдержу еще хотя бы пару минут.

– Нет, хочу, чтобы ты сделал это быстрее, – прерывисто отвечает Эби.

– Даже не мечтай, – ухмыляюсь уголком губ. Она протестующе всхлипывает, когда я без предупреждения проникаю в нее двумя пальцами. Вздувшийся орган болезненно напрягается, упираясь в ткань шорт. Охереть, как туго. Сложно представить, как я поместился туда в прошлый раз.

Эби просовывает руки под мою футболку и хаотично скользит ладонями по перекачивающимся на спине мышцам. Ее опущены, и она изо всех сил старается получать удовольствие от всего, что делаю, а надо просто расслабиться и прислушаться к себе. Я добавляю третий палец, растягивая тесные створки, одновременно стимулируя клитор. Она уже достаточно мокрая, чтобы трахнуть ее по-настоящему, но черт, я все еще не уверен в том, что Эби готова.

– Так не больно? – мои пальцы продвигаются глубже с влажным звуком, от которого остатки благих намерений растворяются за пеленой похоти. Она так плотно сжимает мои фаланги, что от одной мысли, что я буду испытывать оказавшись внутри, становится мучительно жарко. Эби отрицательно качает головой, не открывая глаза. Приподнимаюсь, чтобы стащить с себя футболку, бросаю ее на пол и снова нависаю над распростёртым подо мной загоревшим стройным телом.

– Малышка, я очень хочу, – хрипло шепчу, покрывая ее шею и грудь грубыми жадными поцелуями. Меня в буквальном смысле трясет от желания трахнуть свою жену прямо сейчас.

– Я чувствую, Джером, – отвечает Эби, скользнув рукой вниз вдоль моего тела, и накрывает ладонью внушительную выпуклость на шортах. Осторожно сжимает, едва не доведя меня до инфаркта.

– В прошлый раз ты была смелее, – хрипло смеюсь, хотя в моем состоянии нет ничего смешного.

– В прошлый раз я не знала, насколько он может быть опасен, – парирует Эби. Стискиваю челюсти и нервно сглатываю, когда шаловливая ладошка ныряет под резинку шорт, увереннее обхватывая пульсирующий член пальцами.

– Решила приручить хищника? – спрашиваю, толкаясь в ее ладонь.

– Тебе это нравится, да? – задает она глупейший вопрос, всматриваясь в мое охваченное похотью лицо. Я вижу свое отражение в ее расширившихся зрачках.

– Еще как, детка, – прислоняюсь лбом к ее лбу, тяжело со свистом дышу, позволяя ей изводить меня своими немного неловкими, но безумно приятными скользящими движениями. Опомившись, понимаю, что снова забыл о ее ощущениях, но Эби уверенно отстраняет мою руку.

– Делай все, что тебе нравится, Джером, не думай обо мне, – шепчет она, медленно вытаскивая руку из шорт и обхватывая мое лицо, и я задыхаюсь, глядя в распахнутые горящие глаза.

– Никогда не говори подобных слов мужчине, Эби.

– Ты единственный мужчина, которому я скажу и позволю все, что ты захочешь.

– Все меняется, – я опираюсь на локти, пытаюсь восстановить контроль, но какое там...

– Я не изменюсь. Поверь мне. Прошу тебя. Если ты не поверишь, то ничего не получится.

– Эби, – качаю головой, разрывая зрительный контакт. Мне сложно. Произнесенные слова задевают старые и новые раны, заставляя их кровоточить. Не сейчас. – Я постараюсь стать хорошим мужем. И начну прямо сейчас. Ты готова?

– Да, – кивает она, почти неощутимо прикасаясь к моим губам.

Эби помогает мне избавиться от последнего атрибута одежды, я в свою очередь стаскиваю с нее бикини, выбрасывая к остальной одежде. Обнаженные, скользкие от пота тела на огромной кровати, усыпанной лепестками роз. Не нужно быть романтиком, чтобы почувствовать, насколько прекрасен и незабываем этот момент. Я медленно, дюйм за дюймом проникаю в ее тело, позволяя привыкнуть и принять меня без напряжения и боли. Она обвивает меня ногами, расслабляя мышцы, сжимающие мой пульсирующий орган, пропуская глубже. От остроты ощущений я скриплю зубами, и она снова помогает мне, приподнимая бедра и позволяя войти до конца.

– Все нормально? – спрашиваю с беспокойством, на одной руке удерживая свой вес, а другой блуждая по чувствительным точкам желанного тела, открытые для себя на протяжении недолгой, но вымотавшей меня прелюдии. На виске бешено пульсирует вена, по спине стекает пот, собираясь в углублениях над ягодицами. Плотные жаркие тиски женской плоти сжимают меня, с каждой секундой приближая к развязке.

Эби слабо кивает, и, зажимая ее рот губами, я выхожу из тугого плена и вбиваюсь обратно, уже без всякого намека на сдержанность. Она приглушенно стонет в мои губы, но не от боли, хотя мои мощные толчки сложно назвать осторожными. Снова жестко и стремительно.

Я кончаю со звериным рыком и начинаю снова, она зря сказала, что можно делать все, что пожелаю. Потому что я желаю многое. Ее тело гибкое, сильное, пластичное и гнется в моих руках именно так, как я представлял, пока засыпал в отдельной спальне.

Я трахаю ее до полного изнеможения, пока она не начинает умолять меня остановиться. Но, черт, когда удовольствие настолько сильное, остановиться нереально. Все равно, что дать умирающему от жажды графин с водой и отобрать, не позволив сделать полноценного глотка. Это то, в чем я нуждаюсь – в утолении жажды и насыщении.

В моей жизни было много самого разного по качеству секса. Секс от скуки, секс по дружбе, секс без особого желания, секс как забвение, секс просто ради секса, секс по привычке и секс по любви. Опыт позволяет оглядываться назад, увидеть и, самое главное, разглядеть разницу. Но в настоящий момент я не мог присвоить сексу с Эби ни одну из озвученных категорий.

Я не могу себе позволить. Нечестно сравнивать девушку, тем более столь неопытную и неискушенную, с другими женщинами, но мужчина так устроен. Для него удовольствие очень часто стоит перед душевным удовлетворением и какими-то моральными качествами женщины, с которой он испытывает потрясающие по силе сексуальные ощущения.

Эби кажется мне совершенством, прекрасным внутри и снаружи, и это чертовски пугает. Еще в Мадриде, когда она самоуверенно разделась под звездами испанского неба, я ощутил внутри пробуждающуюся тревогу, и она продолжала возрастать и никуда не исчезла сейчас.

Я еще не скоро восстановлюсь после подлого, вероломного удара, нанесенного Фей. Черт, на самом деле этого никогда не случится. Часть моего сердца, вопреки всему, что я узнал, она украла и не вернёт, что бы я ни делал. Эта ведьма уничтожила меня, разрушила все, что было дорого и священо. А я оказался настолько глуп, что не смог остановить ее, и виновен не меньше. Даже больше. Слепой идиот, одураченный смазливый личиком и греховным порочным телом.

Эби достойна лучшего, я это понимаю. Ей нужен цельный мужчина со свободным, а не раздробленным сердцем, в котором припасено место только для нее одной. Но я сделаю все, чтобы такой мужчина не появился. Никогда. Я не повторю ошибки, совершенной с Фей. И никаких «поверь мне» больше не будет.

Мне все же приходится прислушаться к просьбам Эби, когда она уже начинает заметно злиться на меня, пуская в ход ногти. Отлипнув от нее с явной неохотой,

подхватываю девушку на руки и тащу в джакузи, но вместо слов благодарности за заботу она издает громкий вопль, наверняка услышанный на соседней вилле, находящейся в километре от нас.

– Шампанское, мать твою. У меня все дерет!!! – шипит Эби, и точно так же возмущенно шипят пузырьки вокруг нее. Схватившись за бортики, она приподнимается, сжимая коленки и давая понять, какая именно часть тела испытывает дискомфорт. Я располагаюсь напротив, невозмутимо наблюдая за истерикой. Опустив руку в ведро со льдом, достаю бутылку и два бокала, ставлю все на специальную подставку.

– Быстрее заживет, – ухмыляюсь, откупоривая шампанское.

Я максимально расслаблен и почти счастлив. В моей жизни не так много моментов, когда я могу позволить себе выдохнуть и ни о чем не думать. Сейчас один из них.

– Я тебя убью, Джером, – свирепо обещает Эби и, отчаянно всхлипнув, опускается обратно, видимо смирившись со своим положением. Я едва сдерживаю смешок, замечая, как она накрывает промежность ладонью. Сомнительная защита от целой ванны с шампанским.

– Если тебе некомфортно, то мы можем переместиться в бассейн.

– Он снаружи, – нахмурилась Эби, болезненно морщась.

– И что? – легкомысленно пожимаю плечами. – Тут никого нет. Я сказал, чтобы нас не тревожили без предварительного звонка. Мы молодожены, а персонал достаточно опытный и тактичный, чтобы понимать, чем обычно заняты новоиспеченные супруги на отдыхе.

Я протягиваю жене наполненный фужер, и Эби залпом его осушает, облизывая губы кончиком языка. Усилием воли отвожу взгляд, но его как магнитом манит обратно.

– Хорошо, пошли в бассейн, иначе я точно схлопочу себе воспаление, – не выдержав, наконец решается Эби.

Она быстро встает из джакузи, наполненного игристым шампанским. Сладкие струйки стекают по стройному спортивному телу, снова наталкивая на пошлые мысли. Я бы не отказался облизать ее всю с ног до головы, но она явно будет против.

– Зачем ты, вообще, открыл бутылку? Столько шампанского пропадает, – ворчит обозленно девушка, оборачиваясь полотенцем и шлепая босыми ногами по деревянным отполированным полам в сторону террасы.

– Боюсь, качество напитка в джакузи в разы ниже, и употреблять его внутрь рискованно, – сообщаю я и, прихватив ведро с бутылкой и бокалы, полностью голый следую за ней. Обернувшись, она окидывает меня строгим осуждающим взглядом.

– Я вышла замуж за абсолютно бесстыжего парня, – снова бурчит, вызывая у меня приступ веселья, или же выпитый бокал алкоголя на голодный желудок начал действовать на меня губительным образом.

Скинув полотенце на деревянные подмости, Эби погружается в тёплую воду с блаженным стоном. К сожалению, подо мной, передо мной и даже надо мной она так не стонала.

Огорчённо вздохнув, я забираюсь вслед за ней. Раскинув руки вдоль бортиков, поднимаю лицо навстречу солнечным лучам. Круглый небольшой бассейн с прогретой водой расслабляет натруженные мышцы, игристое вино приятно будоражит кровь, свежий солёный ветер шевелит волосы, обдувает разгорячённое тело. В небе кричат птицы. В десятках метров от нас безмятежный голубой океан, пустынный пляж с чистейшим белым песком только для нас двоих. А напротив меня невероятно красивая девушка, яркая, сексуальная, обожающая меня неизвестно за что. Возможно, не так и плохо быть мужем, и у нас действительно что-то сложится со временем.

– Удивительное место, Эби, – выдыхаю, прикрывая глаза. – Знаю, что тебя не удивить ни пляжем, ни океаном. Ты выросла на острове. А я практически не вылезаю из Сент-Луиса. Рабочие поездки не в счет. Всего несколько раз я позволял себе короткий отпуск.

– С Фей? – вопрос застаёт меня врасплох, и все прекрасное настроение мгновенно улетучивается. Не упоминайте имени дьявола всуе. Точнее, дьяволицы.

– Не считаю, что нам стоит говорить о ней сейчас, – сдержанно отвечаю, открывая глаза и встречая пристальный взгляд Эбигейл.

– Ты обещал, что мы поговорим, – напоминает она, немного морща лоб. – И я не настолько глупа, чтобы не понимать, что на Сейшелах мы оказались не случайно, а наш брак – это не спонтанный порыв души.

– У нас есть три дня, Эби. Три дня, чтобы притвориться, что все по-настоящему, побыть счастливыми и беззаботными.

– Притвориться? – в потемневших глазах мелькает боль. – Хочешь поиграть в счастливого молодожена? Ролевые игры, Джером?

– Зачем ты все усложняешь? – устало провожу ладонью по лицу, отводя взгляд в сторону.

– Я просто хочу знать правду, а не притворяться счастливой, – запальчиво отвечает Эби.

– А если я попрошу дать мне эти чертовы три дня? В качестве свадебного подарка? Или я не достоин? – раздражение пропитывает мой голос.

– Так нечестно, – возражает Эби, хмуро разглядывая меня, а потом внезапно сдаётся. – Но черт с тобой. Три дня, Джером. И это будет не свадебный подарок, а уступка.

Я расплываюсь в удовлетворённой улыбке и тянусь к ней, но Эби отплывает к другому бортику, брызгая в меня водой.

– На сегодня долг жены я перевыполнила, – игривый голос наполнен искренним смехом.

– Заблуждаетесь, Молли Морган.

– Я тебя убью! Еще раз ты назовешь это имя!

– Мол-л-л-ли-и! – шутливо растягиваю буквы. Эби негодуяще фыркает, обрушивая на меня очередной град брызг.

– Джером, я серьезно. До сих пор не верю, что ты не знал!

– Миссис Морган, у вас отличное имя. Вы цепляетесь, – продолжаю дразнить рассвирепевшую негодницу.

– Я точно придушу тебя раньше, чем истекут эти гребаные три дня, – качая головой и окидывая меня испепеляющим взглядом, обещает Эбигейл.

– Разве что ногами, пока я буду лиза...

– О, заткнись, похабник, – плутовка с шипением затыкает меня на полуслове, подпрыгивая в воде.

– Я придумал, чем мы займемся прямо сейчас, – приподнимая брови, я широко и недвусмысленно улыбаюсь, и моя молодая жена заметно мрачнеет.

– Не мечтай, – категорично отвечает она, отрицательно мотая головой. Мой взгляд медленно ползет с ее губ вниз, задерживается на соблазнительной аккуратной груди и спускается еще ниже.

– Я должен научить тебя расслабляться. И есть один верный способ, – чувственно произношу, многообещающе улыбаясь.

– Отстань, Джером, я серьезно, – она выглядит по-настоящему испуганной. Я должен сделать скидку на ее неопытность и попридержать аппетиты, чтобы окончательно все не испортить.

– Хорошо, мы отсрочим мои планы. Но как только допьем шампанское и съедим завтрак, снова к ним вернемся. К тому же голодная женщина всегда немного несговорчива.

Это были самые странные три дня в моей жизни, насыщенные, яркие, без сомнения самые счастливые за последние годы. И хотя Джером сказал, что мы должны притвориться, для меня все было по-настоящему.

Мысли очистились от домыслов, сомнений и горечи потерь. Я отпустила их, освободив сердце для новых незабываемых впечатлений. Ответы, вопросы, все стало ненужным, пустым, как шелуха, брошенная на ветер. Я жила, дышала и любила, впервые не ощущая оглушающего одиночества. Боль растворилась под натиском безумных приключений, в которые я бросалась как в омут с головой. Мы хотели использовать каждое отпущенное мгновение на полную катушку, и нам удалось.

Экзотический остров – идеальное место для того, чтобы забыть о жестокой реальности, поджидающей нас на другом континенте. Мы носились по пляжу на квадроциклах, летали над океаном на пароплане, занимались серфингом, дайвингом, любовались закатами, попивая вино или шампанское на пляже, наслаждаясь уединением, тишиной, друг другом.

Мы занимались любовью так часто, как позволял бурный график всевозможных развлечений, а вечерами я представляла, что мы с Джеромом, как герои «Голубой Лагуны», оказались совершенно одни на необитаемом острове, и не хотела возвращаться в цивилизованный внешний мир. У нас были только мы, солнце, океан и белый песок.

Страх и неуверенность постепенно оставляли меня, но я догадывалась, что Джерому необходимо нечто большее, чем мое молчаливое разрешение на воплощение его фантазий и пожеланий. Я прилагала все усилия, чтобы дать ему это, но не получалось. Спираль раскручивалась до определенной высоты, а потом резко сжималась, и я просто просила мужа остановиться. Мы не обсуждали смущающую меня тему, но я видела в глазах Джерома растущее напряжение, и мне хотелось сказать, что это неважно, я люблю его вне зависимости от того, что чувствует или не чувствует мое тело. Слишком много событий свалилось на нас, и, вероятно, мое подсознание руководствуется собственными правилами, условия которых я пока не в силах откорректировать.

Я почти не спала ночами, прислушиваясь к равномерному дыханию мужа, привыкая к новой для себя роли, и смотрела на него, пока перед глазами не появлялись белые точки. Мне было безумно жалко тратить часы и даже минуты на сон. Когда Джером безмятежно спал, я снова ощущала витающее надо мной тяжелое предчувствие, пытаюсь найти убежище в объятиях любимого мужчины. Мой страх не имел четких причин и источников, и исчезал, стоило Джерому открыть глаза. Оказалось, так просто и легко радоваться моменту, жить одним днем, каждая секунда которого бесценна, неповторима, особенна.

Во время нашего последнего заката на острове нам посчастливилось увидеть огромных черепах. В лунном свете они неторопливо и важно выбирались на берег, вызывая у меня детский восторг, я носилась вокруг них и бесконечно позировала для фотосессии, которую, скрепя сердце, устроил мне Джером. Такой серьезный, важный и взрослый. Я дразнила его, гримасничала, дурачилась как ребенок, а он снисходительно смеялся надо мной.

Три дня, вместившие в себя семь лет и, может быть, целую жизнь. Волшебные, неповторимые. Я бы хотела остаться навечно на этом райском острове, но внешний мир настойчиво тянул нас обратно, диктуя свои жесткие правила, вторгаясь в возрождающиеся иллюзии.

До самой последней минуты я наслаждалась каждым отпущенным нам мгновением. Не могу сказать того же о Джероме. Его мысли для меня нерешаемый ребус, как и он сам. Остается только верить в то, что избранный им путь окажется правильным для нас обоих, что мне найдется место рядом с ним в другой чуждой и незнакомой реальности. И когда он целовал мои соленые обветрившиеся губы, я чувствовала всем сердцем, что у нас есть пресловутый шанс. Или мне просто хотелось в это верить.

Но ранним утром четвертого дня счастливый дурман развеялся, когда опаленные солнцем, сонные и задумчивые мы поднялись на борт частного самолета. Лайнер взмыл в безоблачное синее небо, чтобы вернуть в зловещий город потерь, который когда-то был для меня родным. Грозы, пронизывающие ветра, жуткие воспоминания. Крах и горечь. Весь полет мы сидели в соседних креслах и молчали, не прикасаясь друг к другу. Знакомое и тягостное ощущение. Именно так я возвращалась в реальность после наркоза. Тяжело и больно.

Слезы жгли глаза, но я сдерживала их, слепым взглядом уставившись в монитор, транслирующий развлекательную передачу, но все-таки не сдержалась, и пришлось притвориться, что потеряла линзу. Джером даже не заметил, им снова овладели его мрачные мысли, превратив в чужого и далекого незнакомца, вернувшегося, как только мы поднялись по трапу на борт, украв моего Джерома.

Один, всего один вопрос мучил меня на протяжении всего пути. Почему так мало?

По дороге из аэропорта я задремала на плече Джерома и проснулась, когда мы въезжали на подземную стоянку. Я рассчитывала, что мы вместе пообедаем и серьезно поговорим, но наспех приняв душ и переодевшись, Джером сразу уехал в офис, оставив на моей щеке торопливый поцелуй. А через два часа курьер доставил посылку с острова Тенерифе. Мои руки дрожали, пока я открывала пластиковый короб среднего размера. Внутри оказались некоторые личные вещи отца, брата и мои. Семейные фотографии, книги, часы, записные книжки и прочие мелочи, ставшие когда-то по-своему дороги каждому из нас, навевающие воспоминания о совместных моментах, которым никогда не суждено повториться.

Я проплакала до самого вечера, забыла про ужин, пустой холодильник, как в пучину погрузившись в горе. У меня не было времени для скорби, удары сыпались один за другим. Но сейчас, вернувшись из рая, я вспомнила..., что совсем недавно прошла через ад и каким-то чудом выжила, но совершенно не знала, что готовит мне туманное будущее.

Сердце разрывалось от боли яростной и раздирающей. Я словно только сейчас осознала, что никогда больше не увижу усталую улыбку отца и печальные задумчивые глаза брата. Несмотря на то, что шрамы остались только на моем теле, именно душа Гектора так и не нашла исцеления.

Трагедии не проходят бесследно, задевая нас своим опаленным крылом, и еще долго осыпаются пеплом в застывших сердцах, смертельно раненых горечью утраты. Многие учатся смирению, другие находят утешение в новых событиях и людях, а третьи выгорают изнутри полностью, лишаясь самого главного – желания жить. Гектор не хотел, не сражался, не пытался обрести цель, а если старался справиться с бесконечной депрессией и наркоманией, то только ради нас с отцом.

Джером вернулся ночью. Я уже была в постели, зареванная до красных глаз и опухших век. Было слышно, как он нервно меряет гостиную твердыми шагами, чувствовался запах сигаретного дыма, просачивающегося в щель под дверь. Джером нашел посылку и, возможно, сейчас испытывал то же самое, что я на протяжении долгих часов. Я не хотела мешать ему, потому что знала – некоторые вещи необходимо совершать в одиночестве. И мне было больно вдвойне за себя, за Джерома, за всех нас, пострадавших по чьей-то жестокой прихоти.

Чуть позже он стремительно вошел в спальню с нечитаемым выражением в синих бушующих глазах. Я сжалась под его пристальным взглядом, впечатываясь спиной к изголовью и натягивая до груди одеяло. Взгляд Джерома смягчился, и он осторожно присел на край кровати. Какое-то время колебался, не решаясь начать, и я терпеливо ждала.

– У меня есть две новости, и не уверен, что какая-то из них покажется тебе хорошей. Первая: мы переезжаем в Чикаго. У нас неделя на сбор вещей и выбор подходящего жилья. Вторая – завтра Квентин Моро устраивает торжественный прием по поводу нашей свадьбы. В своём доме. Это своего рода сюрприз, поэтому он сообщил мне только сегодня, – наконец, произносит он, сдергивая галстук. Резко встаёт, подходит к креслу в углу спальни. Порывисто, даже агрессивно снимает пиджак, неаккуратно бросая его вслед за галстуком.

– Моро, который президент корпорации? – осторожно переспрашиваю я. Он стоит спиной ко мне, я вижу, как напряжены его мышцы под тонкой голубой рубашкой.

– Он самый, – мрачно кивает Джером.

– Ты сказал ему о нашей свадьбе?

– Нет. Квентин всегда в курсе событий. Поэтому ты должна кое-что знать об этом человеке, прежде чем переступишь порог его дома.

– Что именно?

– Не так давно он сделал мне предложение. И я принял его.

Нахмурившись, я озадачено уставилась на Джерома, пытающегося расправиться с собственной рубашкой.

– В чем оно заключалось?

– Помощь в борьбе с нашим общим врагом.

– С Логаном?

– Ты почти так же проницательна, как Джош. Да, ты права.

– И в чем подвох?

– Я уверен, что Моро ведет свою игру. Ты когда-нибудь слышала фразу: «разделяй и властвуй»?

– Да, конечно, – киваю почти возмущенно. – Я закончила старшую школу.

– Я отправлю тебя в университет, ты получишь самое лучшее образование и будешь заниматься тем, о чем всегда мечтала. Но сейчас речь о другом.

– Я догадывалась, что тебя держат в Сент-Луисе не деньги и перспективы.

– Я похож на человека, придающего особое значение деньгам? – скептически спрашивает Джером.

– Ты похож на человека, которого испортили деньги, но ты этого никогда не признаешь, – отвечаю я, и он не спорит. – Но чего ты хочешь на самом деле? Возмездия? Решил погеройствовать, как отец. Я не хочу в следующей посылке обнаружить твои вещи, Джером, – на последней фразе мой голос срывается, сердце болезненно сжимается. Я не переживу, если с ним что-то случится.

– Я не рассчитываю на понимание, – проговаривает отрезвляющим жестким тоном. – Каждый выбирает тот смысл своего существования, который считает нужным.

– Но право на подобный выбор имеет лишь тот, кому нечего терять!

Джером резко поворачивается, расстегивая последнюю пуговицу на рубашке. Суровое выражение лица, холодный острый взгляд.

– А ты думаешь, что у меня был выбор? Что ты можешь знать, Эби? Меня привезли к Морганам, как бездомного щенка. Бросили в темную комнату и подвергали дрессировке, словно ручную мартышку. Я мог пойти по пути подчинения правилам, либо нарушить каждое и свергнуть того, кто их устанавливает.

– Те, кто устанавливают правила, редко действуют в одиночку, Джером.

– И снова верно. Но я упрямый, Эби. И не отступлю.

– Тебя заставят или сделают одним из них. Незаметно и независимо от твоих истинных желаний. Так что я должна знать о Моро, прежде чем переступлю порог его дома? – возвращаюсь к тому, с чего начался наш странный разговор.

– У меня есть весомые подозрения считать, что именно он стоит за последними трагическими событиями в наших жизнях.

– Ты выяснил это в Фергюсоне? – интересуюсь осторожно.

– Отчасти, – потирая подбородок, неопределенно кивает Джером. – У меня нет доказательств, только предположения, основанные на некоторых известных фактах, – он достает из кармана небольшую, размером с его ладонь, записную книжку в твердом переплете и бросает мне в руки. На лицевой стороне нарисован крест, что сразу вызывает ассоциации с молитвословом, обычно такие носят при себе верующие прихожане и священники. Но внутри не печатный текст с псалмами, а исписанные неразборчивым почерком пожелтевшие страницы, которым, возможно, уже много-много лет.

– Чье это? И что здесь написано? Личный дневник? – сердце тревожно ускоряет бег, пальцы, сжимающие книжку, холодеют.

– Не совсем. Скорее, ежедневник. Хронологически упорядоченные записи, сухие факты. Не только личные. Моя мать занималась наукой и рассуждать о чувствах не умела.

– Ты про биологическую мать? – уточняю на всякий случай.

– Да, про Дайану.

– Откуда он у тебя? – голову начинает ломить от хаотично разбегающихся мыслей. Опустив брошюру на колени, я прижимаю ледяные пальцы к вискам, растирая их. – Подожди, я ничего не понимаю. Давай с самого начала. С Фергюсона, с нашей свадьбы. Что-то произошло там. Я знаю, ты вернулся совершенно другим. Ты нашёл файлы?

– Я не могу сказать все, – уклончиво начинает Джером, окидывая меня задумчивым взглядом. – Только необходимые факты. Произошла утечка информации, Эби. Мои недоброжелатели в курсе того, что тебе удалось выжить. Твой отъезд в Сидней потерял свой первоначальный смысл. Теперь я могу контролировать твою безопасность, только держа возле себя.

– А как же Джош. Твоя мачеха?

– Они члены семьи, находятся под защитой, и, хотя в некоторых коллизиях и внутренних войнах данное правило неприкосновенности нарушается, именно в этом случае смерть моего брата никому не принесёт выгоды. Но, несомненно, ударит по мне. Однако даже у тварей, притворяющихся людьми, все же есть определённый кодекс, не включающий в себя убийство инвалидов.

– Значит, брак – новый способ защиты? – сглотнув образовавшийся в горле горький комок и опустив глаза на маленький томик в кожаном переплете, спрашиваю я.

– Да, – бесстрастно подтверждает мои слова Джером.

Сердце пропускает удар, но я стараюсь сохранить лицо, не позволяя себе сорваться в истерику.

– Но он столь же не надежен, как и отъезд в самую дальнюю точку мира. Ты должна соблюдать осторожность. Особенно в общении с людьми из моего окружения.

– Ты не ответил, откуда взял записную книжку Дайаны, – мой голос звучит предательски хрипло, но Джером не замечает.

– Забрал из банковской ячейки на острове Моа на Сейшелах. То, что искали отец и люди, имеющие прямое отношение к производству Купидона и его аналогов, на самом деле хранилось не так далеко от того места, где был впервые обнаружен Купидон Даниэлем Морганом, моим дедом. Дайана вернула рецепт, украденный у одного африканского племени, на родину.

– Он в этой книжечке? – скептически задаю вопрос, опуская голову и с сомнением пролистывая станицы. Почерк совершенно нечитаемый. Не представляю, как Джерому удалось расшифровать хотя бы слово.

– Нет. Здесь только обстоятельства, которые в итоге привели Дайану в Россию. Ее попытки противостоять системе, защитить себя, меня и тех, кто стали жертвами действий ее мужа и Кертиса Моргана. Моро не солгал мне, когда сказал, что они были друзьями. Но умолчал о многом другом. О нелегальных лабораториях, которые открывали и содержали с негласного одобрения корпорации, используя ее финансы и возможности, о притонах с девушками, на которых тестировали экспериментальные препараты, и о женщине, которую не смогли разделить, – Джером делает паузу и добавляет жестким категоричным тоном: – Я думаю, что он убил мою мать, но выставил все так, чтобы подозрение упало на Логана. Если бы я не знал, что Квентин действительно смертельно болен, то мог бы предположить, что мы оба, я и Логан Морган, являемся мишенями Моро.

– Зачем ему было убивать свою жену? Как он смог найти ее? – нахмурилась я, чувствуя, что вконец запуталась.

– У этого ублюдка есть связи во всех структурах власти. И он готов отдать все свои миллиарды, чтобы осуществить задуманное. Я не знаю, что является его целью сейчас. Моро предложил мне свой пост, свои акции и голову Логана в придачу. И его мотивы казались более чем понятны до определённого момента. Логан якобы убил его жену, которую он давно простил и тщетно искал долгие

годы, причем в тот момент, когда она сама по своей воле хотела вернуться к мужу, узнав из газет о том, что он попал в серьезную аварию, вследствие которой обострилось его заболевание. Она ехала попрощаться с ним.

Трогательная душераздирающая история любви и преданности. Когда Моро говорил мне об этом, в его глазах стояли слезы. А я? Я единственная нить, связывающая его с Дайаной. Единственной женщиной, которую он так и не смог забыть, и теперь считает своим долгом защитить ее сына. Логично, правда?

– Да. И действительно очень печально, – соглашаюсь я.

– Это он, – резко говорит Джером. – У Дайаны не было ни одного шанса выжить здесь. Она неплохо изучила характер своего мужа, и, узнав о беременности, обратилась к человеку, которому доверяла, с которым училась вместе и жила на одной улице. У них был небольшой роман в школе, платонический, но потом он встретил другую девушку. Они остались друзьями, но в дальнейшем их пути разошлись. Дайана поступила в Иллинойский Университет на биохимическое отделение, а ее друг – в Полицейскую Академию. Кстати, он женился на той девушке.

– Ты говоришь о моем отце? – тихо уточнила я, ощущая, как в груди разрастается новая волна боли.

– Да, – кивает Джером. – Так что легенда не лгала. Отца и Дайану Моро действительно связывало общее прошлое. Что произошло дальше, ты уже знаешь, – сделав паузу, чтобы перевести дыхание, он продолжает:

– Помимо блокнота, в ячейке находились многочисленные документальные подтверждения незаконных исследований, тестов и разработок, которыми занимались Моро и Морган, а также реальные списки жертв. Логан тоже был в деле, как правая незаменимая рука старшего брата – последний живой свидетель тех событий. Первоначальный рецепт Купидона стоит миллионы, миллиарды, Эби. И его состав нельзя определить из исходного продукта. Имитация и другие препараты – жалкое подобие, вызывающий мгновенную зависимость наркотик.

– Ты все это прочитал в записях Дайаны?

– Да, и они не голословны, а подтверждены документами и запротоколированными исследованиями.

– Господи, так жутко звучит, – пораженно бормочу я. – Хочешь сказать, что сам Купидон безвреден? Откуда жертвы?

– Он предназначен не для наших женщин и недостаточно изучен. Даниэль украл часть чужой культуры, о которой не имел ни малейшего представления. В африканском племени, где провел несколько недель Морган, женщинам дозволялось вступать в брак сразу с несколькими мужчинами. Полиандрия считалась естественной необходимостью для выживания в условиях нищеты и численного перевеса в сторону сильного пола. Одна девушка могла являться женой сразу трех, четырёх, пяти братьев. Даниэля удивил не сам факт существования подобных отношений, а удивительная гармония в подобных семьях. Женщины выглядели счастливыми, дети оберегались и любились одинаково всеми отцами. Никаких разводов, споров и ревности. Секрет удивительной гармонии моему любопытному деду приоткрылся во время брачной церемонии. Наивные бесхитростные аборигены рассказали о чудесном зелье, употребляемом невестой перед свадьбой, и именно благодаря ему их женщины всегда так лучезарно улыбаются и беспрекословно и с радостью выполняют все желания мужей, заботятся о детях, содержат в чистоте дом, готовят еду, а вечерами устраивают языческие танцы перед ночью страсти с одним из своих мужчин.

– Что за дикость в двадцать первом веке? – меня передернуло от одной мысли, что где-то еще существуют подобные общины. Столько мужей на одну женщину. С ума сойти. С одним бы справиться....

– Разумеется, моим дедом двигали довольно прагматичные интересы. И сам проект Купидон создавался как забава для богатых пресыщенных мужчин, желающих получить доступную и покорную игрушку, страстную, счастливую и удовлетворенную тем, что делает с ней ее муж или любовник. Но увы, себестоимость Купидона оказалась заоблачной, производство затратным, а длительное употребление вызывало зависимость и проблемы с нервной системой, в некоторых случаях ставшие необратимыми. Кертис Морган и Моро значительно упростили задачу и после провала на официальном рынке Купидона создали схожие по получаемому эффекту аналоги, в настоящее время пользующиеся высоким спросом.

– И у тебя есть документальные подтверждения? – снова уточнила я. Холодок тревоги прошёлся по позвоночнику. Каждый раз, когда речь шла о проклятом Купидоне, в моей жизни происходили катастрофические события.

– Достаточно, чтобы засадить Моро, Логана и остальных членов правления за решетку на долгие годы, – с напряжением во взгляде произносит Джером. Мне бы его уверенность... – В исследованиях участвовала моя мать, она состояла в группе ученых-лаборантов, работавших как над Купидоном, так и над Имитацией. О притонах, где тестировали экспериментальные препараты, и причастности к происходящему там беспределу Кертиса и мужа Дайана выяснила уже будучи беременной. Именно это и заставило ее обратиться к Кеннету Гранту. Она боялась как своего мужа, так и человека, обманным путем использовавшего ее тело. Несмотря на положение дел, она приняла решение сохранить беременность. Банковская ячейка для нее была своего рода гарантией и способом сохранить свои тайны. Было бы правильнее передать документы в полицию или лично Кеннету, но Дайна знала, что в этом случае Квентин сядет в тюрьму на долгие годы и не выживет там. Она защищала его, хотя знала, что он за человек, а тот не раздумывая убил ее, как только сбежавшая жена попыталась выйти на связь.

– Как ты узнал об ячейке?

– Если бы я не вспомнил детский стишок, то никогда бы не нашел ни эту тетрадь, ни документы, содержащие информацию, способную уничтожить Медею в одночасье, – достаточно туманно отвечает Джером.

– Стишок? – с недоумением переспрашиваю я.

– Да, Дайана очень часто бормотала его себе под нос, – сообщает он. – Не так давно я понял истинный смысл строк, в которых было закодировано место и номер ячейки.

– Что ты планируешь делать дальше? – вопросительно смотрю на его сдержанное суровое лицо, сердце сжимается от дурных предчувствий.

– Я передам документы властям. Оставлю себе только тетрадь матери. Все решится очень скоро, Эби, – мягко, но в то же время неумолимо и уверенно произносит Джером. – Осталось потерпеть недолго. Виновные понесут свое

наказание.

– Я очень хочу в это верить, – горько вздыхаю я. В голове сумятица от всего, что наговорил Джером. – А что потом?

– Не знаю, – тихо отвечает он, пожимая плечами. – Поедем в Сидней к Джошу и поселимся там. Будем жить, Эби.

– Вместе? – дрогнувшим голосом спрашиваю я и замираю в ожидании ответа.

– У тебя есть другой парень на примете? – с улыбкой интересуется Джером, хотя выражение его глаз остается совершенно серьезным.

– Я бы не вышла за тебя... если бы был другой.

– И ты не жалеешь сейчас?

– Нет, – как ему могло прийти подобное в голову. – Я прекрасно понимала, что ты женился на мне не по огромной любви, но думаю, что мы в силах сделать наш брак настоящим.

– Я тоже так думаю, Эби, – поддерживает Джером, и мое сердце болезненно подпрыгивает в груди. Теплая волна оmyвает тело, опускаясь вниз живота приятной тяжестью. – Мне хорошо с тобой. Но я не уверен, что ты довольна нашими отношениями, – продолжает муж, и я удивленно всматриваюсь в его глаза. Что за абсурд? Тем временем он снимает рубашку и берется за ремень, не отрывая взгляда от моего лица.

– Что именно ты имеешь в виду? – облизав мгновенно пересохшие губы, спрашиваю я.

Джером снимает брюки, носки и боксеры и абсолютно голый направляется к постели. Мой ошарашенный взгляд опускается вниз по мускулистому рельефному телу и, задержавшись на затвердевшей эрекции, возвращается к невозмутимому лицу. Только широкие зрачки и плотно сжатая челюсть выражают степень его возбуждения. Джером способен думать о чем-то кроме секса? Мы только что говорили о жизненно важных вещах, а он...

– Ты знаешь, что я имею в виду, – в чувственном голосе проскальзывают лукавые нотки. – Мы трахались много раз за последние трое суток, но у меня создалось впечатление, что ты была мало заинтересована в процессе. Что не так, Эби? Фантазии и реальность не совпали, и ты разочарована? Или просто не хочешь меня?

– Мы должны говорить об этом сейчас? – задаю вопрос задыхаясь от смущения. Вся кровь приливает к лицу, я чувствую, как горят щеки. Джером встает одним коленом на кровать, рывком стаскивая с меня одеяло. Взвизгнув, я возмущенно хлопаю ресницами, настороженно глядя на решительно настроенного мужчину. – Я полдня лила слезы над посылкой с вещами отца и брата. Извини, но у меня нет настроения.

– В Мадриде ты предлагала мне себя спустя сутки после взрыва, и у тебя было настроение, и ничто не смущало, – хмуро напоминает он, хватая меня за ноги и грубо подтягивая к себе. – Я хочу, чтобы тебе было так же хорошо, как и мне, Эби. Секс и смерть – неотъемлемые части жизни. Стыд и смущение оставь шлюхам, неверным жёнам и любовницам.

– Джером, я морально выжата сейчас. Послушай... – невнятно говорю я и снова вскрикиваю, когда он резко стаскивает с меня пижамные шортики и широко разводит ноги.

– Ты выглядишь такой раскрепощенной, когда разгуливаешь повсюду полуголая, виляя своей упругой задницей. Ты хотя бы представляешь, какое впечатление производишь на смотрящих на тебя мужчин? – с придыханием шепчет он, горячими ладонями сминая мои ягодицы.

– Ты меня не слышишь, – отчаянно мотаю головой и закусываю губы, когда он внезапно и стремительно проникает в меня пальцами. Искусными, наглыми, не знающими пощады. Муж ласкает мою плоть с нетерпением охваченного безумным желанием мужчины, используя весь багаж своего богатого опыта.

Закрывая глаза, я пытаюсь поддаться покалывающим импульсам между ног, расслабляю мышцы, ощущая, как возбуждение мягко обволакивает низ живота. Джером жадно целует мою грудь, втягивая поочередно соски, покусывая, поглаживая языком. Горячее дыхание с шумными вздохами срывается с губ, и я беспомощно стону, когда он сильнее начинает работать пальцами. Влага

стекает по бёдрам, и перед закрытыми веками пробиваются искры удовольствия, тело непроизвольно выгибается, и следующий стон звучит уже как приглашение, которое Джером с поспешностью принимает. Резко убрав свои пальцы, он поднимает мои согнутые в коленях ноги и забрасывает себе на плечи. Первое мощное проникновение выбивает весь воздух из лёгких, я пытаюсь сказать, что это слишком сильно, но он и сам замедляется, двигаясь осторожно и плавно. Я впервые такая мокрая, и мне немного неловко, а его напряженный горящий взгляд, опущенный вниз и наблюдающий за соединением наших тел, смущает еще сильнее.

– Говори со мной, Эби. Что ты чувствуешь? Помоги мне немного, – отрывисто шепчет он, поднимая на меня глаза.

– Мне хорошо, – между быстрыми вздохами отвечаю я, пытаюсь отвести взгляд, но не могу. Его искаженное похотью и попытками сохранять самообладание лицо – это что-то невероятное, как и все его великолепное мужественное тело, бугрящиеся бицепсы, покрытые выступающими венами, рельефный напряженный пресс, сильные ноги и мускулистые ягодицы.

– Просто хорошо? Или лучше, чем раньше? – я растерянно смотрю на него, теряясь в удовольствии и смятении, вызванном неловкими вопросами. Движения бедер становятся сильнее и глубже, я впиваюсь пальцами в матрас, прогибаясь в спине, тело дрожит, покрывшись испариной, и внутри зарождается что-то очень мощное, опускаясь все ниже и ниже. Я громко стону и снова закрываю глаза, пытаюсь удержать новое ощущение, позволить ему достигнуть высшей остроты...

– Давай, детка. Ты создана для этого, – наращивая темп неистовых толчков, уговаривает Джером срывающимся на низкие рокошующие нотки голосом. – Я хочу почувствовать, как ты кончаешь. Мне необходимо сейчас. Сделай это.

Не знаю почему, но именно в самый неподходящий момент в голову приходят его слова о трех женщинах за одну неделю и все те пошлые словечки, сказанные мне в наш первый раз, и намеренная грубость. Отчаянный стон вырывается из горла, когда я чувствую, как удовольствие ускользает, оставляя ощущение болезненной неудовлетворённости.

– Бл*дь, малышка, ты издеваешься? – рычит он. – Что случилось? Посмотри на меня.

Я отрицательно качаю головой, плотнее сжимая веки.

– Упрямая девчонка, – раздраженно бросает Джером.

Он резко опускает мои ноги, разводя в стороны, и накрывает своим телом, упираясь локтями в матрас. Я всхлипываю, когда он снова проникает внутрь. Ощущение трения огромного стрежня внутри меня приносит боль, я намеренно сжимаю интимные мышцы, чтобы довести его до быстрой разрядки, и он это понимает. Обхватив мое лицо пальцами, Джером жадно целует в губы. Я чувствую его финальный глухой стон на своём языке, сплетённым с его, и едва сдерживаю вздох облегчения, рассеяно блуждая пальцами по взмокшей спине с бугрящимися мышцами, пока все его сильное мощное тело содрогается надо мной. Джером делает еще несколько заключительных толчков и расслабляется, отрываясь от моих губ. Его тяжелое дыхание касается моей щеки, когда он нежно проводит по ней кончиком носа. А потом резко отстраняется и перекачивается на спину, уставившись в потолок. Я ложусь на бок, лицом к нему, и поджимаю колени к груди. Насколько я успела прочувствовать на себе темперамент мужа, через пару минут он потребует добавки, но сегодня я не способна на еще один раунд.

Я разочарована почти так же, как и он, даже больше, но мне не нужны эти оргазмы так сильно, как ему, или я ошибаюсь? Почему все так сложно в этих супружеских постельных отношениях? И что я должна сделать, чтобы Джером не вернулся к своим старым забавам с тремя партнёршами в неделю?

Но на этот раз Джером не настаивает на продолжении. Ни слова не сказав, он встаёт и идет в душ. А потом так же молчаливо возвращается в постель, целует в щеку, желает добрых снов и поворачивается ко мне спиной. Я должна выдохнуть, всполоснуться и тоже позволить себе выспаться. Однако вместо облегчения мои глаза снова наполняются слезами, и я чувствую себя жалкой плаксой, не способной справиться с нахлынувшими эмоциями.

Джером

Эби ворочается и вздыхает, не находя себе места, и я тоже не могу уснуть. Мне стоит обнять ее и успокоить, и она ждет от меня именно этого, но, чёрт возьми, какое-то глупое упрямство или задетое мужское эго заставляет меня упорно игнорировать мечущуюся на другой половине кровати Эбигейл. Я знаю, что сам виноват, и она делает все, чтобы угодить мне и наладить отношения, уступая каждой просьбе и прихоти... В отличие от меня.

Я веду себя, как эгоистичный придурок, осознаю, признаю, но не спешу исправляться. Идея с браком с самого начала казалась мне провальной, но отступить поздно, да и вариантов не особо много. Если честно, то ни одного. Мы оба находимся под прицельным огнем моих врагов, и я, бл*дь, втянул девчонку в эту опасную игру. Даже если и не просил ее ни о чем – это не снимает с меня ответственности. Я сам загнал себя в ловушку, винить некого. Я дал Эби надежду, и отобрать ее сейчас будет бесчеловечно и жестоко. Меня и самого не устроят фиктивные отношения. Они были бы возможны, не потеряй я остатки совести однажды ночью. Мы оба тогда переступили грань, и обратного хода уже нет и не будет. Я вырос в семье, где воспитывалось серьезное и ответственное отношение к брачным узам, и нам обоим придется учиться быть семьей.

Черт, еще недавно я собирался жениться на другой девушке, оказавшейся совершенно не той, кем ее представлял. Рассказав Эби большую часть конфиденциальной информации, я ни словом не обмолвился о Фей. Не смог. Не осмелился. Не хватило духу. Хотя Эбигейл, несомненно, имеет полное право знать правду. Я поставил ее под удар, и она должна понимать причину.

Я не сомневаюсь в том, что Эби никому ничего не расскажет. В этом городе, да и во всём мире у нее есть только я, и сей факт невероятно греет душу. Все смешалось в течение последних недель. Поменяло полюса и орбиты, спутало прежние козыри, обесценив многие истины, считавшиеся несокрушимыми. Мне сложно объяснить даже самому себе, что чувствую. Мое сердце словно обросло гранитными стенами. Я не могу заставить себя испытывать эмоции, на которые не способен сейчас, и не знаю, буду ли способен завтра... или через год.

Эби дорога мне, но что именно меня влечет к ней, сложно охарактеризовать или проанализировать. Возможно, я просто ищу утешения в ее безусловной любви и доверии. Жестоко, цинично, но это все, что я могу. Слишком мало прошло времени после предательства Фей, чтобы снова позволить себе впустить кого-то под кожу.

Сначала я должен разобраться с одной вероломной сукой, с Фей. И может быть после... после я осмелюсь рассказать Эби об участии мисс Уокер в гибели отца и Гектора.

Как же она смогла? Моя семья ничего ей не сделала. Ни отец, ни Гектор, ни Эби. И почему я не почувствовал подвоха?

Слишком сильно любил? Или же это была нездоровая одержимость, основанная на воспоминаниях о первой влюбленности? Спустя время, возможно, я подберу точный ответ, но сейчас я совершенно разбит.

Фей великолепно сыграла свою роль. Когда я вернулся из Испании и приехал в больницу к Джошу, она с таким искренним облегчением бросилась мне на шею, льющие слезы выглядели настоящими, как и все лживые слова и фальшивая страсть.

Но есть еще один вопрос, не дающий мне покоя. В отчете, ставшим роковым для Эверетта, я нашел доказательства контактов Фей как с Логаном, так и с Моро. И остается неизвестным, на кого именно она работает.

Если это Логан, то цепочка кажется логичной. Он использовал девку для слежки за сыном, потом через него же за мной. У Логана есть связи и средства, чтобы повернуть подобную аферу, и мотив. Он методично выбивал почву из-под моих ног, загонял в угол, и ему почти удалось. Поджигая землю подо мной, он одновременно избавлялся от улик и свидетелей, и всех, кто мешал ему в достижении цели. Именно Логан сказал мне на своей вечеринке, что Фей ушла с Заком. Даже тот мерзкий момент был чистой воды спланированным ударом. Вопрос в том – зачем было использовать столь сложную схему, скорее подошедшую бы оппоненту Логана Моргану – Моро с его разглагольствованиями и черной философией. А мотив? Уничтожение Морганов. Всех, без исключения. Почему нет? Моро осталось жить несколько месяцев. И он решил устроить финальное представление.

И есть еще сама Фей. Пропавшая без вести, словно исчезнувшая с лица земли, что даже спецслужбы не в состоянии до сих пор выяснить ее местоположение.

Какой мотив был у Фей?

Деньги? Убивать, предавать, менять любовников, как перчатки, ради денег?

Мсть? Но почему мне?

Свобода?

Фей могли заставить шантажом, угрозами. Логан на это способен. Но что в таком случае ее связывает с Моро? Вопросов, как всегда, больше, чем ответов. И какими бы не были причины чудовищных поступков Фей, она не заслужила снисхождения. И не получит его. А я никогда не смогу простить себя за то, что подпустил так близко лживую суку и не смог остановить вовремя. Все-таки Фей была права, когда сказала, что наша следующая встреча будет последней. Совсем скоро каждый из этой троицы получит по заслугам. А империя, некогда созданная Даниэлем Морганом, рухнет.

* * *

Из записей Дайаны Моро:

12 июля 1987 года. Сегодня Купидон получил официальный патент. Через пару месяцев он поступит в продажу. Я пыталась достучаться до Квентина, показывала результаты тестов, доказывая с пеной у рта, что показатели препарата нестабильны, не до конца изучены, что нам необходимо не меньше двух лет, чтобы понять, как сказывается употребление Купидона в зависимости от длительности приема на дальнейшем функционировании женского организма. Те результаты, что вижу я, кажутся благополучными, и 98 процентов добровольцев, участвующих в тестировании, не проявляют каких-либо отрицательных признаков, побочные эффекты минимальны, и у меня нет причин не доверять им, но два оставшихся процента заставляют задуматься о том, что мы упускаем нечто важное. Необходимо провести более широкое исследование. Препарат нельзя выпускать на широкий рынок. Но Квентин утверждает, что высокая цена значительно сузит круг потребителей, и не видит смысла задерживать выпуск или откладывать его на неопределенное время. Меня вместе с группой лаборантов перевели в другую лабораторию, где мы разрабатываем аналоги Купидона. Не хочу думать, зачем химическая подделка, имеющая в составе запрещенные вещества, понадобилась корпорации. Имитация первоначально проявляет те же свойства, что и Купидон, но эффект наступает быстрее. И дженерик гораздо опаснее. Он вызывает сильнейшую

зависимость практически сразу и влияет на большинство психофизических показателей женского организма. Мне страшно, по-настоящему страшно заниматься разработкой препаратов, кардинально разрушающих личность потребителя. Когда-нибудь я стану матерью. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят у меня родится дочь. Я не могу абстрагироваться, как требует того Квентин. Мне не все равно. Если я выпущу в мир препарат вроде Имитации, то нет никакой гарантии, что мои близкие никогда не пострадают от него. Я не способна заключить подобного рода сделку с совестью. Мне придётся поговорить с Кертисом Морганом. Видит Бог, я не хочу этого делать, но как президент компании он обязан выслушать мое мнение, подтверждённое имеющимися в моем распоряжении исследованиями. Я не могу сидеть, сложа руки. И если Кертис не прислушается, мне придётся искать другой способ остановить распространение Купидона и Имитации.

Глава 4

Штат Иллинойс. Чикаго

Джером

Эбигейл заметно нервничает, в пятый раз за три минуты одергивая подол элегантного бледно-зеленого атласного платья, облегающего безупречную спортивную фигуру. Она выглядит сногшибательно, и я сказал ей об этом уже тысячу раз, но Эби по-прежнему скована и напряжена. Скрестив стройные ножки, обутые в туфли на высоких каблуках, она переключается на свою крошечную сумочку, крутит ремешок, открывает, заглядывая внутрь, словно проверяя, а не появилось ли там что-то новое. Длинный белый лимузин везет нас к особняку Квентина Моро. Через десять минут мы должны быть на месте. Нервозность моей юной супруги передается и мне. Она слишком доверчива и непосредственна для той компании, собирающейся на приеме у Моро. К прогнившему, не имеющему никакого представления о морали обществу зажавшихся миллионеров, в котором я вращаюсь последние семь лет, привыкнуть невозможно. Я так и не сумел, но я знаю их правила, а Эби – нет.

Ненавижу! Знакомое разрушающее чувство заполняет меня. Как же я ненавижу эти вынужденные сборища, высший класс, лимузины, смокинги, бриллианты, элитное шампанское, льющееся рекой, фальшивые улыбки, пафосные разговоры, наигранная любезность, лицемерие, ложь, бьющая в глаза роскошь. Меня тошнит от показного богатства, от безвкусных побрякушек, от продажных женщин и самоуверенных ублюдков в дизайнерских костюмах, возомнивших себя хозяевами мира. И меня тошнит от той роли, что я вынужден играть, и ставшей привычной маски, врастающей в кожу с каждым годом все глубже.

Я смотрю на правильный профиль Эбигейл с изящными скулами и аккуратным носиком, тонкую, хрупкую линию шеи с выступающей голубой венкой, отбивающей бешеный пульс. Ее шикарные черные волосы собраны в замысловатую прическу, придающую ее образу утонченность и прибавляющую пару лет возраста.

Она отличается... Черт, как же она отличается. Юность, свежесть, неискушенность. И все эти хищники в смокингах с миллиардными счетами в офшорах будут глазеть на нее весь вечер голодными глазами, облизываться, кружить вокруг. Я уверен, что никто не забыл историю, произошедшую на последней вечеринке, где Фей выставила меня полным идиотом.

– Эби, я прошу тебя быть максимально бдительной. От этих людей можно ожидать любого подвоха. Постарайся избегать общения с незнакомыми людьми, – инструктирую напутствующим тоном.

– То есть со всеми, кроме тебя? – приподняв брови, натянуто улыбается Эбигейл. Я опускаю взгляд на ее губы, покрытые перламутровым блеском, нежно-розовые и невероятно притягательные, словно приглашающие прикоснуться к ним, но я подавляю в себе пробудившееся желание. Она не поймет и, скорее всего, испугается, если я наброшусь на нее прямо в лимузине спустя три часа после утреннего раунда в постели, к сожалению, снова оказавшегося неудачным для Эби.

– На приеме будет Ребекка Томпсон, моя коллега. Я вас познакомлю, чтобы тебе было с кем перекинуться парой слов, – сдержанно говорю я.

Лимузин въезжает на территорию частных владений Квентина Моро. Взглянув на часы на запястье, я ободряюще улыбаюсь Эби:

– Мы почти вовремя. Опоздали на семь минут. Как виновники торжества имеем право.

– Надеюсь, эта Ребекка не одна из твоих ритуальных трех в неделю? – пристально глядя на меня, спрашивает девушка.

– Нет, – некоторые моменты из прошлого женам знать необязательно. Это не обман, а ложь во спасение хрупких женских нервов. – Я помню о твоих условиях, Эби, – добавляю чуть тише. – Тебе не нужно волноваться о других женщинах.

– Если тебя будет что-то не устраивать или возникнет желание вернуться к старым привычкам, просто скажи. Хорошо? – с уязвимым выражением на лице просит Эбигейл. Я накрываю холодные пальцы, теребящие ремешок сумочки, и мягко сжимаю.

– Будь у нас чуть больше времени, я бы показал, что именно меня не устраивает, – наклонившись, шепчу я и провожу губами по тонкой шее, чуть прихватывая нежную кожу, языком дотрагиваюсь до яремной вены, чувствуя сильную пульсацию. Ладонью сжимаю ее бедро, поднимая руку выше, задирая подол узкого платья. Кончики пальцев едва касаются кружевного белья Эби, и она вздрагивает всем телом, сжимая колени. Лимузин припарковался еще минуту назад среди шеренги других люксовых автомобилей, но водитель не спешит открывать для нас дверь, ожидая сигнала. Черт, я все-таки завелся, аромат свежих духов Эбигейл действует на меня, как экстракт валерьяны на голодного кота. Жадными поцелуями покрываю тонкую шею, эрекция ощутимо давит на ширинку брюк, и я порывисто прижимаю ладонь девушки к твердой выпуклости. Она смущенно вздыхает, я издаю гортанный стон. Уверен, мы сейчас испытываем кардинально рознящиеся эмоции.

– Ты совершенно ненасытный, Джером, – бормочет Эби, тяжело дыша. Я отрываюсь от нее, заглядывая в потемневшие глаза с расширенными зрачками. Похоже, я ошибся, и мы сейчас на одной волне.

– Видела бы ты себя, малышка, со стороны, – выдыхаю с мученическим стоном, убирая девичью руку от своего паха. – Моими глазами, – поясняю глубоким голосом, заправляя вьющийся локон за аккуратное ушко. – Я представляю, как выглядит твое тело под этим платьем, и не могу думать о чем-то еще, кроме секса, горячего, жесткого быстрого секса. Я бы даже снимать его не стал,

просто задрал до талии, поставив коленями на сиденье. Хочу трахать тебя сзади, кусая обнажённую в вырезе спину.

Ее глаза распахиваются шире, рот приоткрывается в возмущенном восклицании. Я беспечно улыбаюсь, подхватываю пальцами ее подбородок и невинно целую в кончик носа.

– Мы сделаем это на обратном пути, – обещаю я и слышу, как она сглатывает. Опускаю взгляд вниз. Твердые соски проступают через ткань платья, и я начинаю жалеть о своих действиях. Не хочу, чтобы кто-то еще, кроме меня, пялился на ее грудь.

Но, к превеликому огорчению, это неизбежно. Ей предстоит сегодня оказаться в центре повышенного внимания, под перекрёстным огнем любопытных, завистливых, похотливых, раздевающих взглядов. Вряд ли кого-то удивит мой выбор, скорее, вызовет зависть.

Я властно удерживаю супругу за тонкую талию, пока мы идем по вымощенной мраморной плиткой дорожке к главному особняку, выделяющемуся среди остальных построек. Ее каблуки гулко постукивают, спина под моей ладонью напряжена. Я расслабляюще провожу рукой по окаменевшим мышцам и, наклоняясь, шепчу прямо в ухо:

– Думай о том, что мы будем делать в лимузине, когда поедем домой, и вечеринка пролетит быстро.

Эби, приснув от смеха, шутливо толкает меня локтем, бросая укоризненный взгляд, в котором явственно читается «извращенец». О да, малышка. Еще какой. Ты еще просто плохо меня знаешь, я старюсь щадить тебя, прежде чем вернуться к взрослым играм.

Дворецкий распахивает перед нами двери, приглашая войти, и мы сразу оказываемся в огромной шикарной гостиной. Высокие потолки, золоченые люстры, большие окна, эксклюзивная мебель, роскошные манерные гости, распивающие шампанское под аккомпанемент виртуозной игры известного пианиста. Высший класс не умеет собираться скромнее. Для меня ничего нового, а вот Эби заметно вздрагивает, когда все взгляды оборачиваются к нам. Ей не стоит беспокоиться по поводу своего соответствия этому месту и людям. Моя

жена выглядит как топ-модель с обложки журнала, сексуальная, юная, с потрясающей фигурой, без набившего оскомину тюнинга на лице и теле, а я единственный мужчина, владеющий всем этим совершенством.

Квентин Моро как хозяин дома и организатор вечера спешит приветствовать нас. Высокий и худой, он выглядит еще хуже, чем в прошлый раз. Дорогой костюм заметно болтается на нем, тени под глазами углубились, кожа натянулась на выступающих скулах. Нездоровый, но по-прежнему цепкий взгляд поочередно сканирует нас с Эби. Он вежлив, безупречно галантен. Придаться невозможно: манеры аристократа, повадки Дон Жуана и порядком изношенная внешность. Я не вступаю в диалог, кратко и однозначно отвечая на заданные вопросы, и позволяю Моро увлечь нас к гостям.

Поздравления сыплются со всех сторон, мы пьем шампанское, обмениваемся любезностями, я не выпускаю руку Эби из своей, и как только на горизонте появляются представители сильного пола с заинтересованным блеском в глазах, моя ладонь собственнически перемещается на талию девушки. Это происходит ненамеренно, инстинктивно.

Среди приглашенных вижу многих старых знакомых, коллег из Бионики и Поляриса и, разумеется, членов правления корпорации с семьями, за исключением Логана и его супруги, находящихся в официальном трауре.

Смерть Зака кажется мне теперь такой далекой, словно все произошло вечность назад, а не каких-то десять дней. Словно его никогда и не было в моей жизни. Если бы я мог просто перечеркнуть прошлое и начать с чистого листа. Я ловлю взгляд Эби, трогательно-беспомощный, и ободряюще улыбаюсь. Внутри разливается нежность. Обняв девушку, я касаюсь губами ее виска. Я хотел бы сделать это с ней. Чистый лист и новая жизнь. Как только закрою черную страницу прошлого и настоящего...

Эби расслабляется, доверчиво прижимаясь ко мне, и когда я снова смотрю на нее, она загадочно улыбается, в глазах пляшут задорные искры. Вот теперь Эбигейл похожа на счастливую новобрачную.

– Джером, неужели я пробилась сквозь толпу желающих поздравить молодоженов? – хрипловатый воркующий голос Ребекки Томпсон отвлекает меня от любования красивым личиком Эби.

Я нехотя перевожу взгляд на Бекку. Она, как всегда, роскошна. Стройная эффектная брюнетка с шоколадными глазами и чувственными формами, запакованными в сексапильное красное платье, подчёркивающее все выдающиеся достоинства ее фигуры. Откровенное глубокое декольте, с которым меня связывает много горячих воспоминаний, приковывает взгляд как магнитом, что сразу замечает моя юная супруга. Эби снова напряженно застывает. Успокаивающе прохожусь подушечками пальцев по обнаженной спине жены. Но мой жест не срабатывает. Она жутко ревнива.

– Милая, это Ребекка Томпсон, мы работали какое-то время вместе, – вежливо представляю я свою «не просто» экс-коллегу. Ярко накрашенные губы Бекки раздвигаются в приветливой улыбке. Эби, даже не пытаясь изобразить радушие, рассеяно кивает.

– Я – Молли, Джером рассказывал мне о вас, – сухо произносит она.

– Неужели? – Бекка переводит на меня многозначительный взгляд и снова приветливо улыбается Эби. – Невероятно рада знакомству. Вы прекрасная пара. Самая красивая в зале. Молли, как тебе удалось отхватить этого потрясного парня? Да еще за такой короткий срок? Или он скрывал тебя от нас?

– Любовь с первого взгляда, – отвечаю я за Эби, инстинктивно ощутив ее растерянность.

– Я завидую вам, ребята. Любовь – самое прекрасное чувство, без сомнения делающее нас лучше, – с туманной улыбкой произносит мисс Томпсон. – Джером, ты позволишь мне ненадолго украсть твою красавицу, чтобы немного посплетничать о тебе?

– Ребекка, не перестарайся, – вежливо улыбаюсь в ответ.

– Я позабочусь о ее комфорте, обещаю, – сверкая белоснежными зубами, заверяет меня Ребекка. Эби явно не в восторге от идеи, но открытое дружелюбие мисс Томпсон даже на нее действует расслабляюще.

– Пройдись немного, милая. А я пока поговорю с хозяином гостеприимного дома, – мягко обращаюсь к сомневающейся Эби, замечая приближающегося в нашу сторону Квентина Моро. Бекка, не теряя времени даром, берет Эбигейл под

локоть и уводит от меня.

– Молли, в другом конце зала есть стол с потрясающими десертами. По мне, наверное, видно, что я не отказываю себе в сладостях. Это просто выше моих сил, а тебе точно дюжина пирожных не помешает, – доносится до меня беспечное щебетание мисс Томпсон. Эби оборачивается на меня с растерянным выражением в глазах цвета весенней листвы, и я медленно киваю, взглядом заверяя, что беспокоиться не о чем.

– Должен признать, что у тебя потрясающий вкус в отношении женщин, – произносит Моро, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки от меня. В его бокале минеральная вода. Я замечаю россыпь красных прожилок на воспаленных белках глаз. – Давно не видел такого очаровательного невинного создания. Теперь я понимаю, почему ты так поспешил со свадьбой, но твой дядя придерживается другого мнения. Он в ярости. И по большей части из-за того, что ты не соизволил его оповестить о своей женитьбе.

– Тебя я тоже не поставил в известность, – сухо напоминаю я. Непроницаемое вытянутое лицо Моро не отражает ни единой эмоции. Пристальный цепкий взгляд прикован ко мне намертво.

– Я привык контролировать свои инвестиции, – констатирует он лаконичным тоном.

– Я – твои инвестиции? – уточняю, выгнув бровь.

– Самые крупные за всю историю бизнеса. Риск огромен, признаю, и иногда ты бываешь нестабилен, но это детали, которые можно и нужно корректировать, – бесстрастным деловым тоном отзывается Квентин. – Надеюсь, что в этот раз ты не ошибся в выборе, и малышка Молли тебя не разочарует.

Помимо моей воли челюсть напряженно застывает в ответ на вызывающий тон Моро. Сукин сын не спрашивает, где и как я познакомился с женой, потому что прекрасно знает, что никакая она не Молли. Старый хитрый ублюдок.

– Знаешь ли, Джером, внешность бывает обманчивой, и самое невинное личико порой всего лишь хорошо отрепетированная перед зеркалом маска. Но я сейчас не о твоей юной супруге. Ее непосредственность слишком красноречива. Она

смотрит на тебя со слепым обожанием. И ей я верю, а вот тебе – нет. Не так давно я видел точно такой же взгляд, но в твоих глазах, и обращен он был к девушке в красном платье, которую мы все сейчас активно ищем.

– Удивительно даже, что до сих пор не нашли, – саркастически комментирую сей факт, пригубив из бокала глоток шампанского.

– Ты подозреваешь меня в чем-то? – Моро задерживает взгляд на моем обручальном кольце и стремительно поднимает вверх. В глазах острое холодное выражение.

– Я подозреваю всех, что вполне естественно в моем положении. Осторожность, предусмотрительность, хладнокровность, – неторопливо перечисляю я. – Ты сам говорил, насколько важны эти качества.

– Я рад, что ты следуешь моим урокам, – ухмыльнувшись, кивает Моро. – И то, как быстро ты справился с предательством любимой женщины, достойно уважения. Я сразу заметил, что Фей Уокер – дикорастущий цветок.

– Ты хочешь сказать, сорняк? – резко спрашиваю я.

– Лиана, ядовитый плющ, кустарная роза, – едва заметная улыбка натягивает сухую голубовато-бледную кожу Моро. – Но она была хороша.

– Несомненно. Она была хороша, иначе я бы не был таким идиотом, – скептически киваю я.

– Любовь, Джером, почти всегда делает нас глупее, чем мы есть, – глубокомысленно произносит Моро. – Это огромное удовольствие, которому не стоит противиться. Даже боль и отчаяние в конце приятны.

– Я бы так не сказал, – с сомнением возражаю в ответ на абсурдное высказывание Квентина.

– Ты слишком молод, – небрежно отзывается он. – Послушай умирающего циника. В пятьдесят ты будешь вспоминать с ностальгией о своём разбитом сердце. Любовные трагедии всегда оставляют неизгладимый след, напоминают

о том, что когда-то мы были по-настоящему живы. Не счастье и счастливая любовь дают нам ощущение существования в этом мире, а боль. Острая, пронизывающая, сжигающая – только такая боль способна прочувствовать истинную природу человеческой натуры. Потери, трагедии, расставания и в противовес им минуты несоизмеримого счастья и блаженства. Разве мы ценили бы случайные радости, если бы в нашей жизни не было столько страданий?

Я не отвечаю, не собираюсь поддерживать новый виток философских рассуждений Моро. Я больше чем уверен, что он заказал убийство своей жены и моей матери, и все его рассуждения о страданиях и любви кажутся мне лицемерными и насквозь лживыми.

– Ты найдешь ее, свою кустарную розу, – продолжает Моро. – И ты сам знаешь, что нужно сделать, чтобы увековечить память о своих несбывшихся иллюзиях.

Прищурив глаза, я внимательно смотрю в бесстрастное лицо собеседника, пытаюсь понять, правильно ли я прочитал то, что прозвучало между слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дженерик (англ. generic drug) – воспроизведенное лекарственное средство, содержащее химическое вещество – активную фармацевтическую субстанцию, идентичную ранее изобретенной и запатентованной другой компанией. Дженерики, относящиеся к воспроизведенным лекарственным средствам, продаются после истечения срока действия патента под международным

непатентованным названием либо под патентованным названием,
отличающимся от фирменного названия разработчика препарата (Википедия).

Купить: https://tellnovel.com/d_aleks/imitaciya-padenie-kupidona

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)